

ПРОЧТИ. ТОВАРИЩ!

П. А. Леснов
ЛЮБОПЫТНЫЕ
РАССКАЗЫ
О ДИКИХ ЗВЕРЯХ

П. А. Леснов,
кандидат биологических наук

ЛЮБОПЫТНЫЕ
РАССКАЗЫ
О ДИКИХ
ЗВЕРЯХ

(Заметки натуралиста)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»
Москва 1975

591.4
Л50

Леснов П. А.

Л 50 Любопытные рассказы о диких зверях.

М., «Знание», 1975.

96 с. (Прочти, товарищ!)

В своих рассказах автор книги обобщает наиболее любопытные свойства некоторых диких животных закавказского леса, выделяет редкие, по мнению автора, моменты в отношениях их друг к другу и к человеку.

Л $\frac{21008 - 056}{073(02) - 75}$ 158 — 75

591.4

ПРЕДИСЛОВИЕ

Животный мир нашей Родины необычайно многообразен. Фауна СССР состоит примерно из 300 видов млекопитающих, более 700 видов птиц, около 160 видов пресмыкающихся и земноводных и т. д. И все эти животные, все живые существа имеют то или иное значение для человека. Для удовлетворения своих постоянно и быстро растущих потребностей человек неизбежно должен рационально, перспективно подходить к использованию природных ресурсов, сохранять их и по возможности обогащать.

Совершенно ясно, что современный научно-технический прогресс иногда может нарушить или даже разрушить существенные элементы природы. Это обстоятельство в значительной степени обострило проблему создания нормальных условий существования для четвероногих и пернатых.

Вопрос охраны диких животных в нашей стране имеет давнюю историю, ему придается государственное значение: Уже на заре развития нашего государства, в 1919 году, был издан декрет «О сроках охоты и праве на охотничье оружие». Позже были определены положения об охране исчезающих животных: сайгаков, зубров, соболей, пятнистых оленей, выхухолей и других. Благодаря этим мероприятиям численность этих животных была восстановлена.

Проблеме охраны природы в настоящее время уделяется большое внимание. Решениями XXIV съезда КПСС предусмотрено усилить охрану природы, улуч-

шить рациональное использование природных ресурсов, а также воспроизводство растительного и животного мира. В 1972 году Верховным Советом СССР было принято постановление «О мерах по дальнейшему улучшению охраны природы и рациональному использованию природных ресурсов». Наша страна принимает активное участие в области охраны природы в рамках СЭВ.

Совсем недавно были заключены соглашения о совместной охране перелетных птиц между СССР и Японией, об охране белого медведя — между всеми арктическими странами.

Изучение численности, состава и структуры популяций, факторов, лимитирующих численность вида в природе, состояния среды обитания — все это помогает в рациональном использовании ресурсов диких животных. Но не меньшее значение имеет также изучение повадок диких животных, их образа жизни.

В наше время очень много пишут об охране диких зверей и птиц. Авторы этих трудов приводят статистические материалы, показывающие сокращение численности тех или иных животных, рассказывают о биотехнических мероприятиях по их охране. Я поставил перед собой несколько иную цель — дать описание образа жизни трех, весьма отличных друг от друга диких зверей, со всеми их любопытными повадками. Читатель может сам убедиться, насколько интересны наши четвероногие друзья.

Я хотел показать, что и «мерзкие» шакалы, и кроважадные рыси — интересные и нужные природе звери. Одна глава книги посвящена прекраснейшим животным — джейранам, которые теперь в условиях Кахетии, исконной местности их обитания, переживают трагедию, так как их охране уделялось недостаточно внимания, а между тем численность их еще можно восстановить.

Увлекаясь проблемой охраны диких животных, многие авторы пишут только об их полезных свойствах. Я считаю, что это односторонний подход к действительности. У всех зверей есть, как говорится, и «пороки», о них в любом случае нельзя забывать. Я старался нарисовать образы некоторых четвероногих героев со всеми их недостатками и достоинствами, старался отобразить их жизнь такой, какая она есть.

Страницы моей книги посвящены диким зверям Закавказья, чудесного горного края, овеянного легендами. Естественно, один человек не может знать, даже наблюдать все явления природы. Я ограничился описанием только трех зверей, о чем уже упоминал, которых хорошо знаю, с которыми много раз встречался в естественных условиях их обитания. Образ жизни шакалов и джейранов изучен недостаточно, не так много сведений встречалось о подробностях образа жизни рысей в закавказских лесах. Поэтому я старался довести до читателя не только важные для науки, но и просто любопытные сведения об этих животных.

В основу книги легли личные наблюдения, собранные мною за двадцать пять лет жизни в живописнейшем местечке Цители-Цкаро (по-русски Красные Колодцы), расположенном на юго-востоке Грузии. Некоторые сведения я собрал у местных охотников, кое-что заимствовал из литературы.

Городок Красные Колодцы можно назвать городом охотников и рыболовов. Расположенный на небольшой возвышенности, окруженный со всех сторон горами, он предстает глазам как таинственный обитаемый остров среди дикой природы. Походы и поездки в горы, в живописнейшую Алазанскую долину, к соленым озерам — все это обязательно для каждого жителя Красных Колодцев. Часто этим людям приходится встречаться лицом к лицу с дикими зверями в естественных условиях. Многие такие случаи описываются в книге.

ВСЕ ЛИ МЫ ЗНАЕМ О ПОВАДКАХ ШАКАЛОВ?

Если кто-нибудь в вашем присутствии произнесет слово «шакал», то это непременно вызовет у вас неприятное, даже омерзительное чувство. В действительности ли эти существа заслуживают такого отношения к себе или, может быть, у людей сложилось о них такое мнение необоснованно?

Пожалуй, наш рассказ поможет уяснить, насколько справедливо оценивают люди шакалов.

Шакалы — это четвероногие хищники из семейства собачьих. По внешнему виду, размерам и биологическим особенностям они занимают промежуточное положение между волками и лисицами. Очень схожи они с некоторыми породами домашних собак, особенно с овчарками. Шакалы — стройные, на высоких ногах, с заостренной мордой, короткими торчащими ушами и длинным пушистым хвостом.

Короткая жесткая шерсть, крепкое телосложение роднят шакалов с волками. Но в то же время мелкие размеры, своеобразное строение морды, глаза с яркими круглыми зрачками, чрезмерная осторожность в действиях, даже трусливость — все это роднит шакалов с лисицами.

По мнению многих биологов, предки шакалов являются родоначальниками многих пород домашних собак, что вполне вероятно, ибо шакалы легко спариваются с домашними собаками и приносят полноценное потомство.

В Древнем Риме шакалов называли золотыми волками. Такое благородное название они заслужили у римлян, очевидно, по той причине, что хорошо приручались и надежно служили человеку.

Расцветка у шакалов не всегда одинаковая. Большею частью встречается разнородная окраска шерсти: серовато-желтая на спине, темноватая на боках, светло-желтая на брюхе и под горлом.

В настоящее время известно более двадцати разновидностей шакалов. Распространены они главным образом в южных широтах, в горных и лесистых местах.

В Закавказье встречается так называемый обыкновенный шакал, он водится также в странах Южной Европы. В Африке распространены одомашненные шакалы, выполняющие роль дворовых собак. Встречаются здесь и чепрачные шакалы. Эта разновидность отличается от обыкновенных шакалов расцветкой. Шерсть у чепрачных шакалов рыжеватого-серого цвета, а на спине имеется черный чепрак, полоса.

У индийских шакалов иногда бывают костяные наросты на затылке, поросшие пучком длинных волос. Индийцы называют такие наросты шакаловыми рогами. Эти рога с пучком волос служат талисманами.

В юго-восточной части США и Мексике обитает крупный зверек — койот, который очень близок к шакалам. Собственно говоря, внешне от шакала он отличается только строением хвоста. Хвост у койота длинный и пушистый, как у лисы, тогда как у шакала гораздо короче и менее пушистый. Койоты ведут частично паразитический образ жизни. Они поселяются вблизи обжитых мест и живут в соседстве с человеком. Обшаривают людские стоянки с надеждой добыть что-нибудь съестное. Они даже следят за автомобильными трассами и железнодорожными путями. Правда, койоты добывают корм, также охотясь в прериях на грызунов, птиц, насекомых. Но занятие охотой их не очень увлекает.

В условиях Закавказья сохранилось много шакалов. Они встречаются и высоко в горах, на высоте тысячи метров и более над уровнем моря.

Питаются кавказские шакалы в основном мелкими травоядными животными и птицами. Охотно поедают падаль и всякую всячину.

Общаются они друг с другом, издавая жалобный вой, похожий на плач ребенка. Тому, кто жил или бывал на Кавказе, непременно приходилось слышать протяжный плачущий вой шакалов, когда по вечерам они выходят из своих нор и отправляются на ночную охоту.

Лермонтов, около месяца прослуживший в Царских Колодцах (ныне Красные Колодцы) в Нижегородском полку, подметил это. В письме к своему другу Святославу Раевскому поэт писал: «...переехал горы, был в Шуше, в Кубе, в Шемахе, в Кахетии, одетый по-черкесски, с ружьем за плечами; ночевал в чистом поле, засыпал под крик шакалов...»

Мы уже упомянули о том, что активная жизнь шакала начинается с наступлением сумерек, так что его можно назвать ночным зверем. Кстати, русское население Закавказья называет шакалов по-старинному — чакалками. В Красных Колодцах и теперь можно услышать такие выражения: «прокричали чакалки», «напали, как чакалки» и др.

Шакалы приживаются к месту своего обитания и только в редких случаях изменяют ему. Даже если нет добычи, они любыми путями стараются достать ее, только бы не расстаться с родными местами.

Блуждая по лесу в окрестностях Красных Колодцев, можно встретить множество шакальих нор, обращая на себя внимание огромными кучами земли, насыпанными у входа. Обычно на склоне, найдя мягкий грунт, они передними лапами выкапывают себе жилище. К сожалению, мне не приходилось видеть, как они это делают, но наблюдавшие эту картину рассказывают, что шакалы копают норы так же, как лисы. Ну а как копает нору лиса, вовсе не трудно увидеть.

В окрестностях Красных Колодцев лисьих нор в изобилии. Они встречаются даже на совершенно оголенных холмах и плоскогорьях. И чтобы увидеть лису за работой по благоустройству своего жилища, достаточно перед вечером, когда хозяйка еще дома, подойти к ее норе и засыпать землей вход. Затем отойти в сторону и, усевшись в удобном месте, ждать. Спустя двадцать-тридцать минут, если вокруг спокойно, лиса начнет очищать жилище. Проделав отверстие, она вылезает наружу. Потом, осмотревшись вокруг и убедившись, что поблизости опасности нет, она приступает к основной ра-

боте. Всунув морду в нору, лиса быстрыми движениями передних лап подгребает землю под задние. И когда соберется небольшая кучка земли, она пускает в ход задние лапы и такими же быстрыми движениями отбрасывает землю на несколько метров, а потом вдруг сама выскакивает на самую вершину земляной кучи. Так повторяется, пока нора не будет полностью очищена.

Если шакалы копают себе норы, как и лисы, может быть, и норы у них одинаковые? Но нет, это не совсем так. Лисы устраивают для себя целые дворцы: норы у них бывают глубиной до восьми-десяти метров, имеют по два-три выхода, которые охотники называют отнорками. По ходу отнорков имеются зигзаги: то вправо, то влево, то вверх, то вниз. А иногда отнорки соединяются друг с другом. В норе всегда чистота и порядок. А как же у шакалов?

По своей конструкции шакальи и лисьи норы имеют большое сходство. В наших краях узнать, как устроены эти норы, не представляет большого труда, их вовсе не нужно раскапывать. Во многих местах, особенно по склонам, балкам и оврагам, норы размываются во время половодья, и только для уточнения некоторых подробностей приходится делать подкопы.

Шакальи норы достигают трех-пяти метров глубины, обычно имеют главный вход и два-три запасных отнорка. Часто встречаются норы только с одним выходом. Там, где соединяются все ходы-выходы, есть круглое углубление диаметром 60—80 сантиметров. Его называют котлом. В котле обычно зверь отлеживается. От котла ответвляется тупик глубиной до метра и более. Он обычно находится выше уровня котла и служит для укрытия во время наводнения или при нападении неприятеля, особенно норных собак.

Норы у шакалов всегда в беспорядке: отнорки засыпаны листьями, землей, заплетены паутиной. Почему же так? Во-первых, шакалы ленятся приводить свои норы в порядок, а во-вторых, часто ночуют, вернее, проводят дневной досуг, где придется, оставляя свое жилище на произвол судьбы. Шакалы часто занимают чужие норы. Больше всего от этого страдают лисы. Иногда шакалы занимают заброшенные лисьи норы, а зачастую выжидают хозяйку и поселяются сами.

На окраине Караагачского леса, расположенного в окрестностях Красных Колодцев, по направлению к Энамте простирается смешанная зона, где растут и деревья и кустарник. В этих местах много и лисьих и шакальих нор. Здесь раньше ловили зверей выкуриванием из норы.

Ловить зверей таким способом занятие нудное и очень ненадежное. Обычно возле лисьей или шакальей норы зажигают кучу соломы или бурьяна. Как только костер возьмется пламенем, его сбрасывают в отнорок и быстро засыпают землей, а потом накрывают чем-нибудь плотным, чтобы дым потянуло в нору. Попадая в нору, дым раздражает зверя. Если земля в норе с трещинами и много отнорков, то никакого результата не получится. А если дым хорошо проникает в нору, то через 15—20 минут, не выдержав, зверь пробирается по одному из отнорков и стремглав вылетает из него. В этот момент нужно держать у выхода мешок или ловушку.

Часто во время окуривания лисьей норы из нее выбегает не лиса, а шакал. Поневоле приходится задумываться, каким образом шакал очутился в лисьей норе? Однажды мне пришлось быть свидетелем любопытной сцены, когда шакал выживал лису из ее же норы.

Не так давно, в 1967 году, летом, я отправился побродить по знакомым местам, где проходили увлекательные дни моей юности. Я спустился к замку царицы Тамары и, полюбовавшись его красотой, направился по холмам к Караагачскому озеру. Стоял полдень, было нестерпимо жарко, и я спустился по пути в глубокую балку, где струился родник, чтобы попить холодной воды. Не доходя до родника, я вдруг услышал странный, глуховатый визг. Я приостановился, стал прислушиваться, оказалось, что он доносился из-под земли. Сразу было трудно понять, кто издавал жалобные звуки. Потом, расхаживая по кругу, я достиг той точки, где визг слышался с наибольшей силой, и приложил ухо к земле. Мне стало ясно: в норе что-то происходило.

Я стал искать отнорок и вскоре неподалеку от двух кустов боярышника обнаружил его. Он не блистал свежестью и не чувствовалось специфического лисьего запаха. Значит, это запасной ход, подумал я, и стал искать другой отнорок. Метров через десять, также около

кустов, обнаружился второй, свежий отнорок, из которого сразу повеяло «живым» запахом. Я отошел в сторону и сел под деревом напротив, чтобы отдохнуть и заодно пронаблюдать, что же происходит в норе. Сижусь пять, десять минут — изменений никаких, все тот же слабый визг. Проходит полчаса — опять ничего нового. Я уже было собрался уходить, но вдруг слышу, визг резко усилился, за ним послышался шорох. И, наконец, гляжу: из норы показывается лисий хвост, потом задние ноги, а потом и все туловище. Когда в норе осталась только морда, лиса приостановилась, скорчилась, нащетинулась и залаяла почти по-собачьи. В других обстоятельствах можно было подбежать к норе, схватить лису за хвост и упрятать в мешок. Но зачем обижать и без того обиженного!

Я напряженно смотрел, старался не упустить ни единого момента в действиях лисы. И вот она затрепетала, напрягла свои последние силы и с громким визгом и лаем рванулась в нору. Только хвост ее мелькнул над кучей земли. Кто выживал ее из норы, на сей раз я не смог разглядеть. После этого натиска визг в норе немного притих. Было похоже, что поединок прекратился. Но я, охваченный любопытством, теперь уже не хотел уходить, решил терпеливо ждать, чтобы до конца увидеть все события. Слышу, минут через десять визг снова стал усиливаться. Мне казалось, что лиса визжала громче прежнего. И вот несчастная хозяйка жилища с большой скоростью вылетела из норы мордой вперед, а следом за ней — шакал. Лиса, отбежав от норы метра на три, тут же заметила меня, метнулась в сторону и скрылась в зарослях. Шакал остановился, посмотрел ей вслед и мгновенно шмыгнул в нору. Я не понял, заметил он меня или нет, но, как бы там ни было, он остался в норе полновластным хозяином.

Меня удивило одно обстоятельство: почему поединок происходил так поздно — в полдень? Ведь обычно после ночной охоты эти звери возвращаются в свои жилища к утру. Не могли же они воевать в норе с утра до полудня?! Вероятно, шакал забрался в лисью нору утром, когда хозяйки еще не было дома. Часто в хорошую погоду лисы и днем бродят по воле не желая возвращаться в нору. Вот лиса и проворонила свое жилище.

Так я стал свидетелем того, как более сильный собрат по семейству выгоняет из дома более слабого без всякой пощады и без всякого сожаления.

Иногда шакалы поселяются в одной норе с барсуками.

Да, весьма странное сожительство, если подумать. Ведь барсуки принадлежат к другому семейству — куных. И образ жизни у них иной, и питаются они в основном растительной пищей: травой, корнями. И только иногда им удается полакомиться какой-нибудь живностью. Но как же случается, что барсук и шакал живут в одной норе? Естественно, что не барсук, этот мирный, безобидный зверек, приходит в дом к шакалу, а наоборот.

Барсук — крепкий, трудолюбивый и самостоятельный зверь. Земляные работы он выполняет гораздо лучше и усерднее, нежели шакал. Норы у барсуков всегда удобные. Этим и пользуются шакалы. Чаще всего они занимают барсучьи норы зимой, когда барсуки впадают в спячку. Правда, на юге они и в зимний период ведут активную жизнь, но в ненастную погоду могут несколько суток подряд проспать непробудным сном. Пользуясь удобным моментом, шакал проникает в его нору и живет себе преспокойно, даже спит бок о бок с хозяином. Просыпаясь, хозяин начинает возмущаться, но это не пугает шакала.

Более того, часто шакалы занимают барсучьи норы, невзирая на сопротивление хозяина. Выдворить барсука из норы, такого сильного и упрямого зверя, не так просто. И шакалы с ними не справляются. В первые дни между противниками разгорается борьба. Но она заканчивается вничью. Нужно сказать, что шакал мог бы загрызть барсука, но он этого не делает, очевидно, потому, что барсучье мясо очень жирное и обладает специфическим запахом, не по вкусу шакалу. И вот когда барсук оказывается бессильным выдворить шакала из своей норы, он предпринимает другие меры — отгораживается от шакала, засыпая землей вход на свою половину со стороны отнорка, откуда проник самозванец. Сам барсук в таком случае пользуется отдельным отнорком. Короче говоря, соседи мирно живут за стеной.

Мне посчастливилось однажды наблюдать такое сожительство. Была у меня когда-то норная собака по

кликке Пушок. Она во многом была похожа на немецкую таксу, но только имела более густую и пушистую шерсть. Кстати сказать, лазить по норам ее никто не учил, однако выполняла она эту работу весьма охотно, даже с пристрастием. Но, к сожалению, несмотря на огромное усердие, Пушку очень редко удавалось выгнать зверя из норы. Часто во время охоты он забирался в лисьи, в шакальи норы. Если зверь бывал у себя дома, то между ними разгоралась борьба. Из норы доносился лай, визг. Пушок нервничал, но в конце концов вылезал из норы один, фыркая, отряхиваясь, а иногда с расцарапанной мордой.

Дело в том, что, когда в нору проникает собака, зверь покидает котел, где он обычно лежит, и уходит в тупик, откуда его выгнать очень трудно. Чтобы выгнать зверя из тупика, противникам необходимо поменяться местами. Но вряд ли удастся слабенькой собачонке заставить зверя уступить свое место.

Однажды с Пушком произошел довольно интересный случай. На окраине Красных Колодцев, неподалеку от дороги, ведущей к замку Тамары, расположены Летники. Это уютное местечко на опушке леса привлекает внимание людей своей поэтической красотой и родником с холодной водой. Поэтому Летники, как говорит само название, являются излюбленным местом летнего отдыха жителей Красных Колодцев. От Летников тянется вниз, по густому лесу до самой Алазанской долины глубокая балка с примыкающими к ней оврагами. По этой балке и в ее окрестностях встречается множество звериных нор.

Как-то под вечер я пошел на охоту и прихватил с собой Пушка. Когда мы приблизились к Летникам, я решил пройти вдоль опушки. Пушок же, как и следовало ожидать, прямо с ходу нырнул в чашу.

Я спустился к балке. Пушок бегал взад-вперед, шуршал листвой, вынюхивал что-то, а потом, гляжу, отыскал нору и мгновенно скользнул в нее. Я подошел поближе и убедился, что нора была барсучья, причем с двумя выходами, расположенными неподалеку друг от друга. Слышу, Пушок грызется с барсуком. Я вовсе не надеялся на успех и ждал, когда ему надоест лаяться с упрямым хозяином и он покинет его негостеприимный дом. Но, увы, я глубоко ошибся. Минут через пять лай Пушка

усилился, и мне показалось, что он даже продвинулся в глубь норы. Странно, подумал я, неужели они поменялись с барсуком местами? На всякий случай я отошел от норы и приготовил ружье.

Стою, не отводя глаз от входа в нору. Пушок настойчиво продолжает лаять. И наконец, вопреки моему сомнению, из противоположного отнорка выбегает, как ошпаренный, шакал! Я даже не успел навести ружье, как он скрылся в зарослях. Вот здорово, подумал я, и, опустив ружье, стал ожидать победителя, чтобы угостить его куском хлеба. Я пошел к тому отнорку, откуда выскочил шакал. Но только успел сделать два-три шага, как вдруг оттуда выбегает барсук, а следом за ним и Пушок! Я оторопел от неожиданности, но все же машинально прицелился. Выстрелить мне не удалось — я боялся поранить Пушка, ибо они были почти рядом. Барсук, кстати, не стал удаляться от норы. Как только Пушок освободил вход, он тут же нырнул обратно в нору. Пушок направился вслед за ним, но я позвал его. Конечно, трудно представить себе, что происходило в норе, но скорее всего не Пушок, а перепуганный барсук пробил к шакалу стенку и выдворил его. А потом, гонимый Пушком, выбежал и сам.

Обычно шакалы живут в норах поодиночке. Но в определенный период они начинают жить парами — самец с самкой. Спустя некоторое время после гона самцы разыскивают беременную самку, помогают ей отыскать удобное место для щенения и благоустраивают его. Самки рожают щенят чаще всего в норе, иногда в дуплах деревьев, в пещере или в буреломе. Самец помогает самке выхаживать новорожденных щенят.

Шакалята рождаются слепыми и беспомощными. Глаза у них раскрываются через 15—20 дней. Первые дни, когда самка кормит их молоком, самец приносит ей пищу. К месячному возрасту шакалята подрастают, и у них появляется потребность в основной пище. Тогда самец прекращает подкармливать самку и приносит пищу шакалятам.

На втором месяце жизни, а иногда и раньше, шакалята выходят из норы и начинают охотиться сами. Первые шаги самостоятельной жизни у них робкие и неуверенные, как у всех детенышей. Выбравшись из норы всей семьей ранним утром или вечером, шакалята пробуют

свои силы: пытаются ловить жуков, бабочек, мышей и даже птиц. Как только они немного научатся охотиться, самец покидает их, а мать еще долгое время продолжает заботиться о своих детях.

Раньше многие красноколодцкие ребята увлекались ловлей лисят и шакалят. Их приносили домой и выхаживали.

Когда шакалят приносишь домой, первое время они скучают, забиваются в угол, отказываются от пищи. Если берешь их на руки, они пищат, царапаются, кусаются. Спустя два-три дня они немного привыкают, начинают пить молоко из блюдца, есть хлеб, мясо. Чтобы побыстрее завоевать их доверие, нужно больше общаться с ними, разговаривать. Вырастая в домашних условиях, шакалы мирно относятся к своему хозяину, не кусаются, охотно принимают пищу, ласкаются подобно собакам.

Не так давно ушло в прошлое то время, когда на улицах Красных Колодцев у кого-нибудь во дворе можно было встретить прирученную лисицу или шакала. Чаще всего зверей держали на привязи, а иногда на свободе. Кстати сказать, прирученные шакалы охраняют дом ничуть не хуже собаки. С появлением в доме чужого человека они начинают беспокоиться, лаять и даже бросаются на него.

Нюх у маленьких шакалят развит слабо, они в основном ориентируются на добычу зрением. Но с возрастом нюх развивается, и у взрослых шакалов он не хуже, чем у лисицы. Однако тут нужно отметить одну особенность. Так как зайцы, фазаны, куропатки являются излюбленным питанием шакалов, они хорошо чувствуют и замечают именно этих животных. Но новорожденных зайчат или выводки птиц они совершенно не чувствуют. Неоднократно приходилось наблюдать, когда ранним утром, направляясь в свое укрытие, шакал совершенно спокойно проходил мимо заячьей лежки с маленькими зайчатами.

Охотники объясняют это явление тем, что зайчата первые месяц-полтора после рождения не обладают специфическим запахом, который мог бы привлекать хищников. Это, очевидно, справедливо, так как лисы тоже не чувствуют зайчат. Трудно сказать, насколько это объективно, но старые охотники уверяют, что волки сохраняют заячье племя. Они начинают следить уже за беременными зайчихами. И когда зайчиха находит себе

лежку и рождает зайчат, волк берет под охрану весь помет. Он сам не трогает зайчат и не допускает к ним лис и шакалов. Волк начинает охотиться за зайцами, когда они подрастают и покидают лежку.

* *

*

Наблюдая за поведением и повадками шакалов, я долгое время не мог увидеть, как они защищают свое потомство в трудную минуту. Однажды мне довелось стать свидетелем довольно редкой картины.

В Караагачском лесу есть так называемый Холодный родник. К нему спускается крутая узкая пешеходная тропинка, отходящая от проезжей дороги, проходящей мимо скалы Острый шпиль. Сильной журчащей струей пробивается родник из-под скалы и стекает в глубокую расщелину, заключенную между двумя камнями. Даже в разгар знойного лета, когда вода во многих источниках нагревается и становится неприятной на вкус, в Холодном роднике она всегда студеная: пьешь — зубы ломит. В узких расщелинах под скалой раньше обитало множество шакалов. Они слегка подкапывали землю под камнями и без труда устраивали себе жилища.

Как-то ранним утром, вернее, часа за три до рассвета, отправились мы с товарищем на охоту. Спустившись к Алазанской долине, мы решили погонять зайцев в кустарнике. Была с нами собака, еще молодая. Охота нам не удалась, и перед рассветом мы углубились в лес. Тропинка привела нас к Холодному роднику, как только стала заниматься заря. Мы подошли к скале и решили задержаться на некоторое время, надеясь напасть на след какого-нибудь зверя. На вершине скалы, в пещерах уже ворковали голуби, собираясь лететь в долину добывать себе корм. Медленно переступая с камня на камень, мы двигались вокруг скалы, обозревая окрестность. Листвы на деревьях уже почти не было, но седой осенний туман, блуждавший над лесом, ухудшал видимость. Мы заглядывали в доступные пещеры, останавливаясь, прислушиваясь, но ни шорохов, ни криков, свидетельствующих о присутствии каких-нибудь зверей, не было.

Собака тоже рыскала по пещерам, задерживалась в них, вынюхивала что-то, скребла передними лапами, но в конце концов возвращалась безрезультатно. Мы

обошли вокруг почти всей скалы, остался впереди всего лишь один огромный камень, прилепленный к скале, отделявшей нас от родника. Дойдя до этого камня, мы услышали подозрительный вой. Когда прислушались повнимательнее, то определили, что он доносится из-за камня. Причем вой был не одноголосый, а будто бы там собрался целый звериный хор. Мы посадили собаку на ремень и начали осторожно огибать камень, стараясь не создавать шума. Обогнув его, мы увидели пещеру метра три глубиной. И прямо у входа в пещеру, метрах в пяти от нас, сидела семья шакалов. Шакалица и вокруг нее четыре шакаленка сидели на задних лапах. Шакалята уже были большие, почти взрослые. Шакалица, вытянув шею и задрав морду кверху, голосисто завывала. Создавалось такое впечатление, будто она выполняла роль запевалы. А шакалята, также задрав мордочки кверху, дружно подпевали ей. Они визжали попеременно с каким-то сиплым лаем. В целом же получался душе-раздирающий квинтет.

Услышав эту «мелодию», собака наша стала вырываться и хотела было присоединиться к певчим, но товарищ вовремя успел зажать ей пасть. Откровенно говоря, с такой отличной позиции можно было уложить наповал всю семью. Мы не сделали этого, очень хотелось досмотреть, чем кончится этот концерт. Но поведение нашей собаки лишило нас такого удовольствия. Не желая сидеть с зажатым ртом, она без конца вертелась и довертелась до того, что выворотила из земли небольшой камень, который сорвался и с грохотом покатился к пещере. Услышав резкий стук, шакалята мгновенно метнулись в пещеру, а шакалица бросилась в сторону. Но потом мигом повернулась и поспешила к ним.

В это мгновение и мы машинально сорвались с места и подбежали к пещере, надеясь прикрыть выход. Мы встали у входа, загородив телами почти весь просвет и направив в пещеру ружья. Шакалы обомлели от страха. Молодые прижались к стене и стали издавать чуть слышные звуки, примерно такие, какие издают маленькие щенята в зимнюю стужу. Они дрожали так же, как на морозе. Мать встала подле них, насторожилась, будто бы собиралась броситься на нас. Потом она заплясала на одном месте, поворачивая голову то к нам, то к детям. И наконец, не выдержав такой пытки, залаяла

по-собачьи, подбежала к нам и схватила зубами ружейный ствол, но снова отскочила назад.

В этот момент опомнилась наша собака и, просунув голову между нашими ногами, громко залаяла. Шакалица опять рванулась вперед, напролом выскочила из пещеры, бросив своих детенышей, и скрылась в зарослях. Оставленные на произвол судьбы, шакалята завывали во всю мощь. Но, к удивлению, ни один из них не тронулся с места. Тогда мы протолкнули вперед собаку и сами продвинулись за нею. Собака осмелела и начала бросаться на них. Шакалята тоже стали огрызаться. Вдруг совершенно неожиданно с огромной скоростью в пещеру ворвалась шакалица. Движение ее было настолько напористым, что она чуть не сшибла с ног моего товарища. Влетев в пещеру, она в одно мгновение закружилась колесом около шакалят, взвизгнула и рванулась к выходу. А следом за ней рванулись и шакалята. Это произошло так быстро, что мы не успели опомниться, как они, рассыпавшись кто куда, скрылись в зарослях. В момент натиска я только успел почувствовать, как наша собака с перепугу прилипла к моим ногам. А когда шакалы уже скрылись в лесу, она вскочила и стала лаять им вслед.

Мы совершенно не жалели о том, что потеряли столько времени и целых пять шакальих шкур, которые фактически были в наших руках. Главное, мы приобрели интересные сведения, подтверждающие, что материнский инстинкт, выражающийся в способности защищать свое потомство, сохраняется у шакалиц довольно продолжительное время, скорее всего до следующего гона.

* * *

Мы уже говорили о том, что шакалы ведут активный образ жизни в основном ночью. Бродят они чаще стаями. Большие шакальи стаи собираются преимущественно в хорошую погоду, чтобы вместе поохотиться. С наступлением сумерек раздается одинокий вой шакала в горах. Потом к нему присоединяются и другие голоса. Это означает, что первый шакал вышел на охоту и созывает своих товарищей. Интересно, что в плохую погоду шакалы почти не воют. В период ненастья даже на охоту не хотят выходить, выходят только тогда, когда

слишком голодны. В Красных Колодцах иногда определяли погоду по крику шакалов: если не кричали с вечера шакалы — значит, к непогоде. Осенью и зимой они кричат гораздо реже, чем летом.

Бросается в глаза странное поведение этого зверя по отношению к человеку. Оно поражает буквально всех, кому приходилось встречаться с шакалами на природе. Зверь вовсе не опасен для человека, и почему-то его притягивает к человеку. Иногда это проявляется весьма явно. Начинаешь даже думать, что в далеком прошлом шакалы были домашними животными, а потом люди разгневались на них за что-то и изгнали...

Представьте себе темную ночь или глубокие сумерки, лес с редящими деревьями, кустарником и запоздалого путника. Идешь, поторапливаясь, чтобы побыстрее выбраться на открытую поляну или дорогу. И вдруг на фоне непроглядной тьмы и настороженной тишины откуда-то из леса появляются мелькающие искрящиеся огоньки шакальих глаз. Огоньки, постепенно приближаясь, разгораются все ярче и ярче. Слышится слабый шорох листвы и кустарника. В это мгновение невольно охватывает страх и смятение, забываешь даже о том, что в руках у тебя ружье. Бог знает, кого там несет к тебе из лесу, а вдруг огромную стаю волков! Наконец приходишь в себя, готовишь ружье и ждешь: что будет дальше. Вот появляются едва заметные силуэты, мелькающие между деревьями и кустами. Силуэты то исчезают, то вновь становятся зримыми, то кружатся на одном месте. И наконец узнаешь почерк шакалов: их робкое и осторожное движение. Уже спокойно взводишь курок. Металлическое звяканье курка в одно мгновение настораживает шакалов, они начинают удаляться, периодически оглядываясь назад. Медленно тускнеют огоньки и наконец исчезают во тьме.

Чаще всего шакалы приближаются, когда замечают одинокого человека. Если же на их пути встречается группа людей, то они не подходят близко, но, останавливаясь метрах в двадцати-тридцати, все же напоминают о своем присутствии. Нет никакого сомнения, что шакалы приближаются к человеку не случайно, как бы обознавшись, они делают это преднамеренно.

Но всегда ли так «развлекают» они одинокого человека, встретившегося им в ночи? О нет! Это металличе-

ский звук курка делает их такими умиротворенными. А что же, когда человек попадет им в лапы без ружья, допустим, с палкой или вовсе с голыми руками? Не ужасайтесь, не съедят и не искусают, но...

Заметив силуэт человека, шакалы, если они в хорошем настроении, непременно начнут приближаться к нему постепенно, осторожно. Бежать — нет смысла, так как они будут преследовать вас по пятам, обгоняя и забегая вперед. Надежней всего остановиться и ждать. Вот уже огоньки горят так близко, будто бы их можно поймать руками в дрожащем воздухе. Извивающимися, круговыми движениями они приближаются почти вплотную к вам, а потом, убедившись, что вы стоите смирно, собираются в кружок и затевают веселую игру, задорную и увлекательную. Они визжат, пищат, гавкают, кувыркаются друг через друга. А иногда сцепятся друг с другом и покатаются колесом, буквально цепляясь за ваши ноги. Подумать только — неслыханное и невиданное зрелище: вы становитесь центральной фигурой звериного хора! Все это удивительно, любопытно, просто невероятно. Однако спектакль не может продолжаться всю ночь, как же выйти из этой игры? Если их не трогать, то они повеселятся с полчаса, а потом уйдут. А если кричать, топтать ногами, размахивать руками — вообще выражать свой гнев? Шакалы в таком случае сразу начнут отступать и через несколько мгновений исчезнут с глаз. Они не подойдут близко, а только издали промелькнут тенями, и вы лишитесь любопытного удовольствия стать участником звериного концерта.

Тяготение шакалов к людям иногда проявляется так странно, что просто невозможно объяснить, ради чего они это делают. Замечательный русский натуралист прошлого века профессор К. А. Сатунин, оставивший потомству ценнейшие исследования млекопитающих Кавказа, описал такой случай. Во время изучения животного мира Азербайджана профессор остановился в Ленкоранском уезде. «Столица» уезда Ленкорань представляла собой тогда самое настоящее захолустье. Но тем не менее город есть город — обжитое, людное место. Шакалы же вольготно бродили по ночам по этому городу целыми стаями. Один шакал поселился прямо в городе и причем под домом у самого лесника.

Однако в период гона встреча со стаей шакалов ма-

лоприятна и весьма нежелательна. Шакалы живут между собой мирно. Но когда начинается гон, они, в основном самцы, преследующие самку, становятся свирепыми даже друг к другу. Зрелище, которое мне довелось наблюдать, вполне подтверждает справедливость мнения, что шакалы во время гона очень опасны.

Ранней весной, точнее говоря, в середине февраля, на опушках Караагачского леса появляется множество подснежников. Так называют в Красных Колодцах маленькие синенькие цветочки, хотя там почти не бывает снега. Не могу не сказать о том, как прекрасен Караагачский лес. Прекрасен он всегда, но особенно весной. Лес состоит из граба, ясеня, дуба. Попадаются также дикая яблоня, груша, алыча, кустарники: боярышник, кизил, терн. На скалистых местах растут гранаты и дикий инжир. Толстые деревья, поросшие густым мхом и лишайником, обвиты диким виноградом и хмелем. Весной земля под деревьями сплошь покрыта душистыми фиалками. Их запах насыщает ароматом прохладный воздух. На лесных полянах полно тюльпанов, петушков и многих других цветов, названия которых невозможно запомнить. Прогулка в Караагачский лес за цветами издавна вошла в традицию для красноколодцких ребятшек. Однажды с группой товарищей я отправился в лес за подснежниками. Дорога еще была сырая, а поляны вокруг леса уже просохли, и кое-где начала пробиваться трава. Наш путь лежал вдоль холмов, прилегающих к высокой горе, которую от подножия до вершины пересекает белая дорожка, вытопанная пешеходами. Белая она потому, что пролегает по известняковой горе. Эта дорожка видна с далекого расстояния. К великому сожалению, на холмах подснежников оказалось совсем мало, и мы решили спуститься вниз, к долине, где потеплее. И действительно, спустившись, мы вышли на полянку, которая была сплошь усеяна подснежниками, торчащими из земли на тоненьких ножках. Как и следовало ожидать, сбор подснежников затянулся. Чудесная поляна: вверху серые скалы, озаренные заходящим солнцем, внизу сырой тенистый овраг, и все вокруг дышит весной. И первое благоухание подснежников, как символ пробуждения долгожданной весны...

Пока собирали цветы, развлекались, играли в чехарду, незаметно подкрался вечер. Опомившись, мы немед-

ленно двинулись в обратный путь. Идти предстояло в гору, и, пока преодолели половину пути, уже совершенно стемнело. Узкая лесная дорога, врезающаяся метра на полтора в глинистый грунт, привела нас, наконец, к холму, за которым кончался лес. И когда уже оставалось метров двадцать до этого холма, вдруг мы заметили впереди мелькающие силуэты. Мы остановились, начали присматриваться: силуэты продолжали маячить прямо у дороги. Нетрудно было догадаться — это шакалы. Признаюсь, мы здорово оробели — ведь в руках даже палки ни у кого не было, только лишь букеты подснежников. Мы тут же присели на корточки и стали молча ждать, когда они освободят нам путь. Ждем минут десять, но увы — шакалы не собираются уходить: бегают с визгом друг за другом и ни на шаг не удаляются от холма. Плохи дела, подумали мы, куда нам деваться? Обойти их стороной невозможно — непролазный лес с двух сторон, а назад возвращаться тоже опасно, бог знает, куда заведет эта дорога ночью, да и страшновато опять-таки. Ничего не оставалось, как сидеть и ждать. Беда еще и в том, что палку сломать боязно, вдруг услышат шорох и прибегут!

Через некоторое время положение еще больше усложнилось. Шакалы посидели, отдохнули, а потом начали рычать друг на друга, гавкать, издавать какой-то протяжный нудный визг. Было похоже, будто некоторые из них проявляют недовольство и пытаются учинить ссору. Минута за минутой ссора начала разгораться, перейдя в ужасную драку. Невозможно описать, какие только визги и крики не доносились. Они беспощадно терзали друг друга, катались клубками по косогору. Сцепившись друг с другом то парами, то по несколько сразу, они колесом выкатывались прямо на дорогу. А когда расцеплялись — бежали сначала в разные стороны, но потом снова собирались в кучу. Вдруг два шакала как очумелые помчались прямо на нас. Мы с перепугу бросились бежать. Когда мы оглянулись, их уже не было позади нас, они продолжали драку.

Драка длилась минут десять. Потом постепенно звери утихомирились и исчезли с холма, освободив нам путь. Мы чуть ли не бегом помчались домой, не разбирая дороги и не оглядываясь.

Подобные драки случаются между шакалами до-

вольно часто ранней весной. О них рассказывают многие очевидцы. Эти драки свойственны и другим представителям семейства собачьих: волкам, лисицам и даже домашним собакам.

* * *

Меня всегда интересовало, как шакалы добывают себе пищу, как охотятся за своей жертвой? Вполне понятно, что пронаблюдать это очень трудно, так как они охотятся в основном ночью. Все, что известно об этом, собрано случайно.

Особое предпочтение шакалы, как и все хищники, отдают мясу. Они пожирают мышей, сусликов, раскапывая даже их норы; ловят зайцев, птиц. Естественно, что поймать птицу, когда она находится в активном состоянии, шакалу не под силу. Поэтому они ловят сонных птиц. Например, фазанов, которые иногда, чаще всего это бывает во время больших ветров или похолоданий, устраиваются на ночлег на низких сучьях. Блуждая по лесу, шакалы находят их и пожирают. Пожирают они также куропаток, каменных курочек и других птиц, ночующих на земле.

Как-то зимой в Алазанскую долину прилетело множество дудаков¹. Обычно в зимний период дудаки сюда прилетают из холодных мест. Но тогда они летели целыми тучами. Пролетая над Красными Колодцами, ослабевшие птицы отбивались от стаи, садились даже на крыши домов. Помню, когда они летели, был большой туман. Несчастные птицы ударялись о телефонные провода и разбивались насмерть. Спустя неделю после перелета мы с товарищем отправились в долину поохотиться на дудаков. Вышли, как обычно, до рассвета и побрели через Энамту прямо к виноградникам. Утро было туманным, и хотя уже занимался рассвет, долина издали плохо просматривалась. Охотиться на дудаков не так уж легко. Зрение у них исключительно острое, и они за сотни метров видят приближающегося охотника. И чтобы не спугнуть птиц, мы решили спуститься по холмам к виноградникам, а затем, продвигаясь по ним, выследить стаю. Но вскоре впереди показалась разбросанная скирда старой соломы. Она стояла внизу,

¹ Дудаками в Красных Колодцах называют дрофу.

на краю вспаханного поля. Когда мы приблизились к скирде метров на сто пятьдесят, вдруг заметили на пашне подозрительные точки. Это была стая дудаков. Мы тут же спустились в балку и подошли ближе. Они сидели, понутив головы, и вовсе не собирались трогаться со своего места. Мы поползли прямо к скирде. Ползли долго по сырой земле, устали. Наконец подползли к скирде и, изготовив ружья, стали выбирать подходящее место, откуда можно было прицелиться. Но только мы сделали несколько шагов, как вдруг стая с криком поднялась в воздух. Мы выскочили из-за скирды в недоумении. И увидели перед собой шакала, держащего в зубах трепыхающегося дудака. Заметив нас, он стрелой помчался вдоль пашни, не выпуская из пасти свою жертву. Мы выстрелили ему вслед, но он помчался еще быстрее, виляя хвостом. Так мастерски он обвел вокруг пальца и нас, и дудаков, вовремя спрятавшись в скирде.

Наряду, если так можно сказать, с честной охотой шакалы ведут паразитический образ жизни. Они пожирают случайно найденную падаль и, кроме того, ухитряются обкрадывать других хищников. Хорошо известно, что волки, лисы, рыси обычно прячут несъеденные остатки своей добычи в самых различных местах: в дуплах, пещерах, буреломах, а зачастую закапывают в землю. Пользуясь простотой более запасливых зверей, шакалы находят их клады и пожирают.

Кстати сказать, рацион шакалов не ограничивается мясной пищей. Они зачастую бывают не против полакомиться плодами растений. Когда им не удается добыча мяса, а может быть, в силу потребностей организма, они едят лесные орехи, желуди, собирают фрукты, ягоды. Не пренебрегают они и кукурузными початками на полях и огородах, а также арбузами и дынями на бахчах.

Раньше в Африке наблюдались случаи, когда шакалы опустошали кофейные плантации.

В начале рассказа мы упомянули о том, что американские койоты в поисках пищи обшаривают людские стоянки и проезжие дороги. Но и кавказские шакалы не уступают в этом отношении своим американским сородичам. На восточном берегу Черного моря, особенно в окрестностях поселков Магри, Макопсе, Голубая Дача, до самого берега тянется густой лес. Шакалы водятся

в тех местах в большом количестве. Старожилы рассказывают, что раньше шакалы забирались по ночам в сады, огороды, пожирая овощи и фрукты. Особенно они предпочитали виноград, ради которого могли решиться на любой риск. В последние годы в тех местах появились дома отдыха, санатории, туристические базы, которые разместились прямо в лесу. И вот шакалы повадились по ночам обшаривать палатки туристов, авось удастся перехватить что-нибудь съестное. Бывали случаи, когда шакалы забирались в палатку прямо к спящим людям. Они так мастерски обшаривали сумки, тумбочки, что спящие ничего не слышали.

Наглости шакалов нет предела. Один охотник рассказывал мне такой случай. Ранним утром он отправился поохотиться на зайцев. Собаки у него не было, и он решил пройти к двуглавой скале, которую в Красных Колодцах называют Два брата. Скала эта стоит на опушке леса. Охотник, обозревая лесные поляны, заметил скачущего медленными прыжками зайца. Он прицелился и выстрелил. Выстрел угодил в цель, раненый заяц жалобно запищал и закружился на месте. Охотник мгновенно поспешил к нему. И только он успел сделать десяток шагов, как из кустов выскочил шакал, схватил зайца и скрылся в зарослях. Случай этот почти невероятный, но приходится верить, так как от шакалов только и жди невероятного.

* * *

Заслуживает внимания вопрос о том, как ведут себя шакалы по отношению к крупным животным? Откровенно говоря, я не слышал, чтобы кавказские шакалы нападали на слишком крупных животных: буйволов, лошадей, оленей и прочих. Однако в природе есть животные по размеру довольно крупные, но почти беззащитные. Они-то, вероятно, и страдают от дерзости шакалов.

Несмотря на свою трусливость и осторожность, в Индии, например, шакалы нападают на косуль, антилоп, а на Кавказе бывали случаи, когда они загрызали домашних ослов.

Лет двадцать-тридцать назад в окрестностях Красных Колодцев можно было встретить довольно много бродячих ослов. Бродячие ослы постоянно страдали от

нападения хищников, наиболее злостными из которых являлись волки. Волк даже в одиночку запросто справляется с ослом. Но чтобы защищаться от нападения волков, бродячие ослы объединялись в группы по несколько голов. Такими группами им удавалось спастись даже от целой волчьей стаи. Почувствовав приближение опасности, ослы становились в круг головами к центру и задними ногами отбивались от хищников.

Шакалы, которым свойственны коварные способы охоты, частенько загрызали одиноких ослов, нападая на них стаями. В одиночку же шакал не справится даже с самым слабым ослом. Приближение волков ослы чувствуют сразу и, чуть что, немедленно собираются вместе. Но, к сожалению, приближение шакалов не вызывает у ослов особого страха и они почти не реагируют на их присутствие. Пользуясь такой «халатностью», шакалы выслеживают одиноких ослов и загрызают. Обступив свою жертву, шакалы не сразу бросаются на нее. Они начинают кружить осла по кругу. От непривычного кружения осел теряет и равновесие, и ориентир. В этот момент несколько смельчаков бросаются ему на шею и перегрызают горло. Осел становится жертвой хищников.

Кстати сказать, приближение шакалов не вызывает защитной реакции не только у ослов, но и у других крупных травоядных животных. Ни лошади, ни коровы абсолютно не боятся шакалов. Скорее всего, животные путают их с домашними собаками, которые, естественно, не представляют для них никакой опасности. Это не случайно, ибо шакалы, как и собаки, обладают привычкой бегать кругами вокруг кустов, часто останавливаясь, вынюхивать что-то, создавая впечатление, будто бы движутся совершенно бесцельно.

У волков же движения большей частью прямолинейные, смелые и целеустремленные. Возможно, эта стремительность и привела к тому, что шея у них очень плохо поворачивается, и они вынуждены всегда держать голову прямо.

Шакалы не страдают таким недостатком. Правда, они не так гибки, как лисицы, но и не родня в этом отношении волкам.

Животный мир создан весьма разумно. Так, все животные наделены устойчивым инстинктом сохранения рода, даже семейства. Тигры и львы в нормальных условиях существования щадят своих собратьев по семейству: рысей, леопардов и прочих, хотя последние гораздо слабее. Леопарды и рыси, в свою очередь, проявляют гуманность по отношению к более мелким видам из семейства кошачьих. Только в редких случаях звери отступают от этого «закона». Шакалы же и в этом превзошли всех хищников. Может ли один шакал сожрать труп другого или загрызть в порыве гнева своего соперника, трудно сказать. Но со своими братьями по семейству при удобном случае они не церемонятся.

К юго-востоку от Караагачского озера, расположенного неподалеку от Красных Колодцев, по направлению к бывшей Муганлинской переправе через Алазань простирается холмистая местность, которую в народе называют Энамта. В переводе с грузинского слово «энамта» означает «язык-гора». Названа местность весьма странно, ибо там нет никаких гор, а только тянутся сплошные лесистые холмы. Мне много раз приходилось беседовать об этом с древними стариками, хорошо знающими те места; но, к сожалению, до истины дойти не удалось. Одни говорят, будто в старину там существовала причудливая гора, издали напоминающая голову гигантского чудовища с раскрытой пастью и высунутым языком. Другие же рассказывают легенду о том, будто там когда-то существовала говорящая гора: когда путники проезжали мимо нее, доносились таинственные человеческие голоса.

Обычно в окрестностях Энамты на склонах холмов раньше распахивали целинные земли и сажали бахчи. Много лет назад колхозную бахчу сторожил старый дед Василий Кузьмич Данилов. И охранял он ее главным образом от всякого зверья, особенно от шакалов и лисиц, которые по ночам пожирали дыни и арбузы.

Василий Кузьмич жил на бугорке в шалаше, построенном из камыша. А вокруг, раскинувшись на несколько сотен метров, чернела по склонам бахча. Арбузов и дынь на ней было неисчислимое множество, как накатано. Пока бахча была зеленой, дед жил себе пре-

спокойно. Но к сентябрю и дыни и арбузы поспевали, а вместе с этим появлялись и заботы. Каждое утро, когда дед осматривал свои владения, он обнаруживал десятки погрызанных дынь и несколько арбузов. А вокруг потравы вырисовывались шакальи следы. Стало быть, шакалам дыни нравились больше, нежели арбузы, но от этого урон был не меньше. Дед прилагал все усилия, чтобы избавиться от непрошенных гостей, но ничего не помогало. Собаку он при себе не держал, так как польза от нее в таком случае не очень велика. Имелось у него на всякий случай старенькое ружьишко. Просыпаясь по ночам, он изредка палил из него в воздух, чтобы пугать зверей, но выстрелы не слишком беспокоили их, ибо они к ним быстро привыкли.

Однажды ранним утром он проснулся и вышел из своего шалаша. И вдруг его глазам предстало странное зрелище: метрах в пятнадцати от него стоял волк. Дед вздрогнул от неожиданности. Странно, что волк этот был жалким, беспомощным. Исхудалый до изнеможения, он едва держался на дрожащих ногах. Высохшие лопатки торчали выше спины. На боках и провисшей спине ключьями висела шерсть. Угловатая морда, обтянутая плешивой кожей, казалась совсем маленькой. Волк, видно, не ел очень давно или, может быть, страдал какой-нибудь болезнью.

Дед, стоя неподвижно, с полминуты глядел на эту грустную картину. А потом вынес кусок хлеба и несколько куриных костей, оставшихся от вчерашнего ужина. Он приблизился к волку, бросил ему под ноги еду и отошел к шалашу. Волк насторожился и довольно долго не притрагивался к пище. Он стоял и поглядывал то на деда, то на еду. Но потом приблизился к еде и начал есть, вяло и медленно. В конце концов волк съел все до единой крошки, немного постоял, облизываясь, а потом повернулся и легкой рысцой побежал в соседнюю балку.

На следующее утро волк пришел снова. Увидев его, дед прямо обрадовался. Он тут же вынес ему заранее заготовленную еду. Дед чувствовал, что волк придет снова. Гость охотно принялся за еду, причем поел гораздо быстрее, чем в первый раз. Потом, облизываясь, стал глядеть на деда. И, как ни странно, во взгляде хищника чувствовались проблески доброты.

Тяготение хищных зверей к человеку, когда они обессилены болезнью или голодом,— явление довольно известное.

Итак, волк погостил у деда минут двадцать и потом, как и прежде, удалился. К вечеру он снова появился. Хотя дед и не ожидал его в такое время, но все же угостил как положено. Поужинав, волк повертелся вокруг шалаша до наступления темноты и ушел.

Дед лег спать и погрузился в раздумье. Размышляя об этом неслыханном случае, он подумал: а что если волк приживется и будет охранять бахчу от шакалов! Да, мысль заманчива, и к тому же есть возможность проверить ее реальность. Волк стал приходить утром и вечером, а дед кормил его. Он варил ему ячменную муку, отруби, добавляя куски тыквы, которые изредка попадались среди дынь и арбузов. Кроме того, сторож подстреливал ворон, соек и других птиц, поджаривал их в костре, чтобы отбить специфический запах. Волк понемногу поправлялся.

Прошла неделя. Волк стал смелее. Теперь он уже часами находился у шалаша. Дед не подходил к нему близко, но издали разговаривал с волком, чтобы приучить его к человеческой речи.

Однако шакалы по-прежнему продолжали опустошать бахчу. И дед решил, что настало время приучить волка охранять ее. И вот что придумал дед.

Наступил вечер. Дед взял ведро с волчьей едой и пошел с ним вдоль бахчи. Он шел медленно, останавливаясь и оглядываясь. Волк жадно глядел ему вслед. Через некоторое время волк встал и пошел за дедом. Дед обрадовался и, шагая медленным шагом, выставлял ведро назад, чтобы волк лучше чувствовал запах еды. Пройдя метров пятьдесят, волк внезапно остановился и присел на задние лапы, очевидно, потеряв надежду, что ему сегодня удастся отведать ужин. Остановился и дед. Волк не сводил глаз с ведра. Дед поставил ведро на землю и отошел в сторону. Спустя минуты три волк медленно пошел к ведру. Но дед снова взял его и пошел дальше. Волк на мгновение приостановился, но потом пошел за дедом. Значит, разгорелся аппетит, подумал дед, и прибавил шагу. Так шаг за шагом дед провел волка по всей бахче и возвратился к шалашу. Уже совсем стемнело. Дед поставил волчью еду на

траву и ушел в шалаш. Волк наконец съел положенный ему ужин.

Удовлетворенный уроком, дед улегся спать и скоро заснул. Проснувшись утром, он застал волка на месте. Вероятно, он никуда не уходил от шалаша. Вечером дед повторил вчерашний опыт. Представьте себе, волк последовал за ним весьма охотно и безостановочно обошел всю бахчу.

Так три-четыре вечера дед водил волка за ведром вокруг бахчи, а когда они возвращались к шалашу, «ученик» получал свой ужин. Теперь волк не уходил, а спал на бахче, неподалеку от шалаша. Успехи, конечно, были невелики, и нужно было продолжать тренировки, чтобы достичь поставленной цели. И тогда дед решил несколько изменить тактику.

Накормив волка с вечера, он взял ружье, бурку и пошел по прежнему пути. Как ни странно, волк последовал за ним. Причем шел довольно охотно и не заставлял себя ждать. Дойдя до другого конца бахчи, где особенно бесчинствовали шакалы, дед бросил свою мохнатую бурку на землю и прилег. Волк побродил вокруг несколько минут и тоже последовал дедову примеру. Пригревшись, дед вскоре уснул, но спустя часа два проснулся и увидел, что волк перебрался на другое место. Дед встал и пошел дальше. Оглядываясь, он видел, как позади, сверкая глазами, следовал его спутник. Пройдя метров двести, дед снова прилег, волк опять последовал его примеру.

Наутро они оба возвратились к шалашу. Так продолжалось несколько ночей. Дед заметил, что потравы стало гораздо меньше. Спустя некоторое время волк уже один ходил по бахче. Скорее всего, его привлекали шакальи тени. Просыпаясь по ночам, сторож слышал, как издали доносился прерывистый волчий вой. Потравы на бахче почти не стало, лишь кое-где виднелись прогрызанные дыни.

Прошел месяц. Волк добросовестно нес свою службу. Но вот миновал сентябрь. Приближалась пора расставания с бахчой. Деду становилось грустно, когда он вспоминал об этом: ему не хотелось покидать своего друга. Дед часто задумывался, как быть с ним? Но вот что произошло.

Однажды ранним утром, как только начала зани-

маться заря, дед сквозь сон услышал странный шум. Он вскочил, схватил ружье и вышел из шалаша. Прислушался. Из соседней балки доносились какие-то душевраздирающие визги. Похоже, там происходила звериная драка. Он зарядил ружье крупной дробью и быстро направился в балку. Пока он пробирался сквозь кустарник, немного посветлело и можно было различать все крупные предметы. Визг не утихал. Выбравшись из кустарника, дед перевалил через небольшой бугорок и вышел на полянку, откуда просматривалась вся балка. В глубине ее он заметил огромную стаю шакалов. Деда охватило дурное предчувствие, он выставил ружье вперед и со всех ног бросился к ним. Увлечшись дракой, шакалы не заметили приближения деда. Не доходя метров тридцать, дед приостановился и выпалил прямо в стаю. Два шакала замертво повалились на землю. Остальные же мигом рассыпались в стороны. Дед приблизился к месту происшествия и увидел печальную картину: на траве лежали подстреленные шакалы, а рядом валялись остатки истерзанного до неузнаваемости волка — его верного друга.

* * *

Большинство хищников настороженно относятся к человеку и стараются обходить его стороной. Так ли поступают шакалы?

В трудах натуралистов встречаются рассказы о том, что в Индии шакалы иногда нападали на людей. Насколько мне известно, кавказские шакалы никогда не нападали на людей. Об этом мы говорили в начале рассказа.

Там, где много охотников, обычно рождаются всевозможные рассказы о диких животных.

Приходилось, например, слышать о том, что шакалы съедали у спящих в лесу людей кожаные ремни, сумки, фуражки, не говоря уже о съестных припасах. Мне рассказывали, что закавказские горцы, оставаясь в лесу на ночлег, никогда не ложатся спать на земле, а залезают на деревья. И делают они это вовсе не из-за боязни крупных хищников, а из-за проделок шакалов. Шакалы проделки знакомы горцам, как никому другому, и они знают им цену.

А вот что мне однажды пришлось испытать самому. Случилось это в 1954 году, в год моего двадцатилетия. Теплой осенью я отправился с моим другом в ночную охоту на диких уток. В шести километрах от Красных Колодцев расположено живописное горное Караагачское озеро. Ночная охота на уток у этого озера, признаюсь вам, до неимоверности интересная. Как только стемнеет и умолкнет все вокруг, огромные стаи уток поднимаются с болот, расположенных в Алазанской долине, и направляются к озеру. Подлетая, они начинают кружиться над ним десять-пятнадцать минут, а иногда и больше, высматривая все подозрительное. Убедившись, что никакой опасности нет, они садятся на воду, непременно посреди озера. Утки разбиваются на небольшие группы, по три-четыре головы, и направляются к берегам озера. Идут они косяками, каждая группа в своем направлении. Выходя на отмель, утки ныряют, доставая со дна водоросли и другую пищу. Иногда они выходят на берег: щиплют траву, собирают ракушки, червей, а потом садятся в кружок, поджимая под себя лапки, и дремлют.

С восточной стороны озера возвышается огромный холм, похожий на гору, сплошь поросший густым, непроходимым лесом. По лесу тянется тропинка, протоптанная охотниками и рыболовами. Я очень любил садиться в засаду на этой тропинке. Так поступил и на сей раз. Товарищ мой уселся в яме на небольшом островке, метрах в двухстах от меня. Этот островок отчетливо вырисовывался на фоне озера. Место же моего сидения с островка разглядеть было трудно, так как лес сливался с холмом в единое целое, даже невозможно было различить прибрежную полосу озера.

Итак, начались минуты ожидания. Я напряженно следил за зеркальной гладью озера, прислушивался к каждому звуку, к каждому шороху. Ночь основательно вступила в свои права. Круглая луна медленно выползла из-за горы и мягким светом озарила озеро, а водная гладь сияла, будто бы политая расплавленным серебром. Гигантские тени окрестных холмов окутали почти половину озера. И там, в затененной полосе, крикали и плескались утки. Мне даже стало странно, что я не заметил их появления.

Прошел час, другой, утки и не думали приближаться к берегу. Напряжение мое заметно ослабло, и я почув-

ствовал легкую усталость. Укутавшись в теплый полушубок, я прилег на бок и вскоре уснул. Вернее говоря, я погрузился в какое-то полусонное состояние. И вот сквозь сон я почувствовал странное ощущение: какое-то теплое дыхание начало ласкать мое лицо. Мне то казалось, что я стою на краю одинокой скалы, обращенный лицом к горячему солнцу, и лучи обжигают мне щеки, глаза, губы; то у яркого костра — и языки пламени согревают мое лицо; то склонился над горячим песком где-то в невиданной жаркой пустыне. Мне ужасно хотелось, чтобы все эти ощущения продолжались вечно.

Трудно сказать, чем бы все это кончилось, если бы вдруг у самого берега, буквально в нескольких шагах от меня, не послышалось громкое кряканье уток. Я невольно вздрогнул, очнулся и мгновенно открыл глаза, открыл и увидел: прямо в мое лицо уткнулась носом какая-то страшная звериная морда. Яркие округлые глаза блеснули сияющими огоньками, и контур морды расплылся в этом сиянии. С очень близкого расстояния она казалась до такой степени безобразной, что я не мог определить, чья же это морда. От ужаса я взвизгнул не своим голосом и отпрянул назад. Руки мои крепко сжали ружье, но, будучи в состоянии оцепенения, я не мог ни взвести курок, ни выстрелить.

В это мгновение загадочный зверь резко повернулся и пустился быстрой рысью по тропинке. И тогда я узнал в нем шакала. Когда его силуэт почти скрылся с моих глаз, я машинально выстрелил ему вслед. Вероятно, я слегка задел зверя, ибо вслед за выстрелом послышался непродолжительный визг, именно шакалий визг.

Испугавшись выстрела, прямо из-под моего носа с криком поднялась небольшая стая уток. Но я даже не обратил на них внимания. Спустя две-три минуты я пошел к тому месту, куда пустил свой заряд. Я вовсе не собирался проверить результат выстрела, а просто мне хотелось оглядеться вокруг.

В это время меня позвал товарищ. Я, не задерживаясь, направился к островку и рассказал ему эту странную историю. Он выслушал меня внимательно, удивился, но, как я заметил, не очень поверил моему рассказу.

Так мы вместе совершенно бесцельно просидели до самого утра на берегу озера. Наступило утро, и красноватые лучи солнца озарили вершины холмов. Огорченные неудачной охотой, мы собрались идти домой. Когда мы поднялись, товарищ как-то странно посмотрел на меня и удивленно спросил:

— А что у тебя на лице?

— Не знаю,— ответил я в недоумении.

— Какие-то багровые полосы,— добавил он.

Я немного оробел и, обеспокоенный, прибавил шагу, чтобы побыстрее добраться домой. Товарищ что-то говорил мне, но я не слушал его.

Возвратившись домой, я со всех ног бросился к зеркалу. Взглянув на свое лицо, я увидел эти багровые полосы. Они тянулись лентой по правой щеке от переносицы и слегка захватывали губы. Будто бы кто-то сапожной щеткой сильно провел по моему лицу. Теперь у меня уже не было никакого сомнения, что это следы шакальего языка.

Спустя три дня полосы безболезненно и совершенно бесследно исчезли. Прошло уже много лет после этого случая, но я до сего времени помню со всей ясностью и безобразную звериную морду, и короткий шакалий визг, и багровые полосы на моем лице.

О подобных проделках шакалов мне приходилось слышать и позже. И всякий раз меня волновал вопрос: почему спящий человек не ощущает никакой боли, когда шакал «слизывает» часть живого тела? Скорее всего, язык шакала снабжен тончайшими и очень острыми иголочками, которые как бы парализуют болевые рецепторы организма.

Вполне возможно, что и слюна шакала благодаря клейким бактерицидным веществам обладает обезболивающим свойством. Впрочем, только на основе априорных рассуждений причину определить трудно. Однако, несомненно, это явление очень интересное.

Итак, заканчивая рассказ о шакалах, я не хочу навязывать никаких выводов об этих зверях.

Однако считаю своим долгом отметить, что шакалы приносят немалую пользу природе. Шакалы уничтожают много вредных грызунов, насекомых и пресмыкающихся. Они поедают падаль, а это имеет для природы огромнейшее значение. Каждый знает, каким опасным

источником заразы является разложившийся труп павшего животного. На организм же шакалов совершенно не действуют ни трупные яды, ни трупные микроорганизмы. Поедая падаль, шакалы оздоравливают природу. И, наконец, шакалы наряду с другими хищниками поддерживают биологическое равновесие в природе. Так, грызуны, например, размножаются очень быстро. И если их не уничтожать, они могут нанести значительный ущерб.

О РЫСЯХ

Когда мы ласкаем домашнюю кошку, то совершенно не чувствуется, что это безобидное существо — представитель грозного семейства кошачьих, которое объединяет таких кровожадных хищников, как тигры, львы, леопарды и прочие.

Принадлежит к этому семейству еще один своеобразный зверь — рысь. Конечно, рысь не является властителем зверей, как ее старшие собратья по семейству, но тем не менее обладает весьма необычными, порой даже невообразимыми, привычками.

Рыси — обитатели лесов, но встречаются и в других зонах. Распространены они почти по всем континентам земного шара, предпочитают жить в глухих местах, особенно любят горную лесистую местность.

Рыси весьма разнообразны: пардовая, обитающая в Южной Европе и Юго-Западной Азии; болотная, распространенная в Африке и Южной и Западной Азии; северная, обитающая на севере Европейского, Азиатского и Американского континентов; рыжая, встречающаяся главным образом в Северной Америке; степная, обитающая в Африке и Индии; оленья, представляющая собой наиболее крупную разновидность рысей и встречающаяся в Европе, Азии и других местах. Но самая распространенная — это рысь обыкновенная.

Обыкновенная рысь достигает длины 80—100 сантиметров, высота ее в плечах 60—65 сантиметров, а вес 10—20 килограммов. Голова рыси по форме напоминает кошачью. И вообще по внешнему облику рысь похожа на кошку. Только кисточки на кончиках ушей и пышные бакенбарды отличают рысей от домашней кошки. Тело

у них очень плотное, хвост короткий, ноги сильные: передние немного короче задних. Размножаются они так же, как и кошки, рожают по четыре-пять рысят. Рысята рождаются слепыми и беспомощными, но спустя полторы-две недели глаза у них раскрываются, а на втором месяце жизни они уже начинают охотиться. Однако окончательно приспособляются к самостоятельной жизни к четырех-пятимесячному возрасту.

Питаются рыси всевозможными животными, начиная от самых мелких и до крупного рогатого скота. Предпочитают свежее мясо. На человека обычно не нападают, но не всегда безопасны в этом отношении. При встрече с человеком в лесу стараются обойти его стороной, в случае легкого ранения уходят, а при тяжелом ранении могут броситься на человека, если есть силы.

Слово «рысь» чисто русского происхождения. Оно является производным старинных русских слов «рысить», «рыскать», то есть блуждать в поисках чего-то. Название зверю было дано исключительно удачное, ибо оно красноречиво объясняет особенность образа жизни рыси.

Рысь ведет бродячий образ жизни. Если добычи достаточно, то она приживается к определенному участку леса. Но чаще в поисках добычи она совершает длительные переходы. У охотников сложилось такое мнение: где часто попадаются рыси, там нужно искать дичь.

Старинная поговорка гласит: «Рысьи глаза, острое зрение». И действительно, острота зрения у рыси удивительная, что дает ей возможность высматривать добычу на далеком расстоянии. С далекого расстояния замечает она и человека, следит за его движением, а если подпускает близко, то скорее ради любопытства.

Но не только острота зрения отличает рысь. Органы слуха и обоняния у нее не менее совершенны. У рыси очень тонкий слух, и она свободно распознает всевозможные подозрительные звуки на далеком расстоянии. Обоняние у нее настолько сильно развито, что она за сотни метров чувствует добычу или опасность.

Рыси не требовательны к жилью, как, например, лисы или барсуки. Особенно в южных краях они могут довольствоваться небольшой пещерой где-либо в глухом месте, расщелиной, дуплом или неглубоким подкопом на

склоне крутого холма. Удобное жилье, собственно говоря, нужно рыси только для выхаживания потомства, а иногда для укрытия во время ненастной погоды. С появлением потомства самки рыси, как и все животные, проявляют исключительную озабоченность. Зачастую самки забираются в лисьи, барсучьи норы и там рожают детенышей. Охотники рассказывают, что рыси и в случае преследования залезают в чьи-либо норы, встречающиеся на пути.

Мех у рыси довольно ценный, особенно благодаря оригинальной расцветке и прочности. Рысий мех использовали в старину для пошива верхней одежды. Народы Севера из рысских шкур шили себе шапки.

В Закавказье, например в окрестностях Красных Колодцев, рыси встречаются довольно часто. Конечно, лет двадцать-тридцать назад их обитало здесь гораздо больше. В этих краях водится в основном рысь обыкновенная. Однако известный русский географ и натуралист начала XX века Н. Я. Динник указывал, что на Кавказе в те времена водились также пардовая и оленья рыси. Последняя отличалась от обыкновенной рыси более крупными размерами и окраской шерсти. По описанию немецкого ученого прошлого века Фитцингера, европейская оленья рысь по размерам не уступала волку. Однако в условиях Кавказа, напротив, некоторые особи обыкновенной рыси превышали по размерам рысь оленью.

Образ жизни и повадки рысей Закавказья до сего времени очень мало изучены. Все, что мы знаем о жизни рысей, это чаще всего результаты наблюдений охотников. Любопытные случаи, о которых я расскажу, пожалуй, дают некоторое представление о жизни и повадках рысей Закавказья.

За свою бытность в Красных Колодцах я не слышал, чтобы рысь загрызла человека, но тем не менее о рысях у местных жителей сложилось плохое мнение. Представьте себе небольшой поселок с деревянными домами, садами, огородами, окруженный со всех сторон горами, поросшими непроходимым лесом и кустарником. Представьте темную тихую ночь, когда лишь изредка доносится до слуха сиплый лай собак, сменяющийся порой криком испуганных домашних уток или гусей. Вот как

раз в эту пору рыси приходили в поселок, чтобы забраться во двор и полакомиться какой-нибудь живностью. Чаще всего они проказничали на самой глухой окраине Красных Колодцев, в районе так называемой Мазовки, где небольшие домики тянулись лентой вдоль оврага, заканчивающегося глухим скалистым ущельем. В народе это ущелье называют Аннушкиным.

Аннушкино ущелье и его окрестности служили благоприятным убежищем для рысей, которых водилось там немало. Приходя на Мазовку, рыси бесцеремонно проникали во дворы, залезали в телятники, овчарни и даже в курятники. Наутро хозяева обнаруживали жалкие остатки недоеденной овцы, телянка или куриные перья. Вы можете спросить: разве не было во дворах собак? Конечно, были, причем в каждом дворе. Почуввав приближение рыси, собаки начинали лаять. Но как только рысь подходила ко двору, дворняжки умолкали, забивались куда-либо в угол и почти бездыханно лежали, только лишь временами издавая слабый визг. Рыси не боялись собак. Они вольготно расхаживали по двору и в спокойной обстановке высматривали себе лакомство.

Был такой случай. Однажды ночью резкий треск во дворе разбудил хозяина. Он схватил ружье и выскочил во двор. Огляделся, прислушался. Вокруг стояла полная тишина, не вызывающая никакого подозрения. Хозяин все же решил пройти к скотному двору. Подойдя к сараю, он увидел, что старая дверь, ведущая в закуток, где находился маленький теленок, сорванная с верхней петли, лежала на полу. Он быстро вошел в закуток, зажег спичку, но теленка на месте не оказалось. Выскочив во двор, он принялся искать его по всем углам и закоулкам. Долго искал. Однако поиски не принесли успеха — теленок бесследно исчез.

Утром уже вся семья принялась искать теленка, но также безрезультатно. В полдень хозяйка спустилась в подвал, который находился под домом, но мгновенно выскочила оттуда с криком и слезами. Оказалось, что в подвале лежал мертвый теленок, вернее, его передняя часть, а задняя была съедена, торчали только обглоданные кости. Жаль было теленка, неплохая, может быть, выросла бы корова, да ничего не поделаешь. Погоревали, пожаловались соседям и собрались уже закопать

остатки в землю. Но в этот момент пришел во двор один из соседей и посоветовал оставить теленка на том же месте и выследить преступника. Так и сделали.

Наступила первая ночь ожидания. Хозяин еще с вечера оставил дверь подвала слегка приоткрытой и пошел спать. Всю ночь он томился, впадая в дремоту, ежеминутно вздрагивал, прислушивался к каждому шороху. Однако ночь прошла спокойно — никто не появился. Наступила вторая ночь. Хозяин также был начеку. И вот часам к трем ночи послышался легкий скрип двери. Он был настолько слабым, что его едва можно было почувствовать. Хозяин с ружьем в руках осторожно направился к подвалу. Дверь подвала была приоткрыта немного больше прежнего. Значит, подумал хозяин, туда кто-то проник. Притаившись, он услышал резкое щелканье зубов, будто бы старый кот грыз твердую рыбу голову. Сначала хозяин подумал, что действительно чей-то кот пробрался в подвал, и хотел зажечь спичку, чтобы посмотреть. Но потом решил не поднимать шума, крепко-накрепко запер дверь и отправился спать.

Наутро вся семья, сгорая от любопытства, выстроилась у входа в подвал. Когда открыли дверь, увидели странную картину. В подвале столбом стояла пыль. Стены, побеленные известью, были изрезаны когтями. Ящики и бочки опрокинуты. На полу лежал почти нетронутый остаток телячьей тушки. И, забившись в противоположный угол, сверкая влажными вытаращенными глазами, опустив подбородок чуть ли не до пола, сидела рысь — виновница всего этого беспорядка.

Все стало ясно, но только хозяева не могли понять, как этот небольшой зверек сумел затащить теленка в подвал?! Начали рассуждать, придумывать разные версии. И в конце концов сошлись на одном: рысь вовсе не затащивала в подвал теленка, а он сам туда забежал с перепугу, когда рысь, открывая дверь закутка, сорвала ее с петель.

Как видите, выследить рысь весьма трудно, даже когда она приходит к вам в дом. Еще труднее это сделать, находясь в ее владениях — в лесу или в горах.

Да, рысь сильна и беспечна, живя на природе в глухих, полудиких местах, куда редко заглядывает человек. Все травоядные животные, мелкие и крупные, находят в ее распоряжении. Нет таких хищников, которых бы

она боялась, от которых ей приходилось бы скрываться. Очевидно, такая безнаказанность и послужила основной причиной того, что рысь не знает ограничения в выборе своей жертвы и готова наброситься при удобном случае на кого угодно.

Правда, рассказывают, что в сибирских лесах в голодный зимний период на рысей нападают волки. Однако в наших краях подобных явлений наблюдать не приходилось, ибо волки всегда находят себе более подходящий объект охоты.

Километрах в тридцати от Красных Колодцев расположено редкое и удивительное по красоте Панташарское ущелье. Оно начинается у склонов огромных холмов и тянется вниз, извиваясь змеей, к обширной, выжженной солнцем низменности, которую пересекает река Иора, бегущая к Мингечаурскому водохранилищу. Само ущелье и его окрестности — места поистине сказочные.

Панташарское ущелье пролегает между огромными полуразрушенными холмами, с крутых склонов которых медленно сползает и осыпается мелкий песок, перемешанный с камешками и желтой глиной. Когда глядишь на эти холмы, то кажется, будто постепенно проваливается земля и увлекает за собой вглубь громадные холмы, оставляя кое-где торчащие сопки. Сопки эти далеко не однообразны. Встречаются сопки, украшенные причудливой мозаикой из разноцветных камешков или убранные монотонным полотнищем из желтоватого песчаника. Некоторые из них напоминают своды или колонны гигантских храмов различных цветов и оттенков.

В народе окрестности Панташарского ущелья называют Панташарскими осыпями. По всей вероятности, эти осыпи образовались в результате опускания земной поверхности, так как в тех местах на рубеже юрского и мелового периодов произошло резкое изменение рельефа. Слабо выраженные изменения наблюдались и позже. В XII веке нашей эры в тех местах произошло катастрофическое землетрясение. Как описывает живший в то время азербайджанский поэт и мыслитель Низами Ганджеви, землетрясение было настолько сильным, что стерло с лица земли древний город Ганджу, расположенный километрах в пятидесяти от Панташарского ущелья. А в окрестностях Ганджи землетрясение перекрыло пять горных рек, в результате чего образовались

озера. Может быть, и Панташарские осыпи также результат этого землетрясения.

Шло время, здесь появилась удивительная своеобразная растительность, которая почти не встречается в других местах Закавказья. Густые заросли саксагача, можжевельника и разнообразных кустарниковых растений создают необычное зрелище, будто бы попадаешь в какой-то невиданный мир. Встречается в осыпях много гранатов, диких яблонь и груш.

Именно Панташарское ущелье и его окрестности являются излюбленным местом обитания рысей. Места эти совершенно глухие, здесь много всякой дичи, есть вода и неограниченное количество удобных мест для укрытия.

В 1951 году, в разгар лета, с небольшой группой косарей я отправился на сенокос к Панташарским осыпям. Работа предстояла большая, поэтому выехали мы на несколько недель.

Мы расположились лагерем, или, как у нас принято называть, станом, на большом холме, который находился неподалеку от Панташарского ущелья. От холма начиналась глубокая балка, протянувшаяся по осыпям до самого ущелья. Это место привлекло наше внимание, так как в балке находился небольшой родничок, из которого мы брали воду. Правда, воды в нем хватало только для питья, но и это для нас было большим делом.

Спуск к родничку был настолько крутым, что выбраться обратно с ведром воды можно было, только уцепившись за хвост лошади. Сидя же на ней верхом, удержаться было совершенно невозможно.

На склоне холма, метрах в пятидесяти от нашего стана, торчали старые столбы, около которых чернела полуразрушенная землянка. По всем приметам в этой землянке зимовали чабаны-кочевники, находившиеся там с отарами овец. Столбы эти пришлось нам кстати: мы стали использовать их как коновязи. Помню, что с нами были четыре собаки: одна охотничья — пойнтер и три самые обыкновенные лохматые дворняжки.

В первую же ночь мы привязали лошадей к столбам, а вместе с ними и собак, чтобы они охраняли лошадей. За взрослых лошадей никто не опасался, но с нами были два еще совсем маленьких жеребенка.

Первая ночь прошла благополучно. Все спали мертвым сном, утомившись с дороги. Прошел и первый трудовой день. Взрослые провели его в упорной работе, а я, как подросток, занимался хозяйством. Наступили сумерки, засияли жаркие языки костра над нашим холмом.

Лошадей и собак привязали, как и прежде, к столбам. Собаки уже с вечера начали изредка подавать голоса, причем лаяли они без всякой причины — это свойственно дворняжкам. Люди, ночующие в глухих местах на природе, обычно спят очень чутко. Но тем не менее в эту ночь никто ничего не почувствовал, никто даже не проснулся. А когда наступило утро и мы пошли отвязывать лошадей, то увидели печальную картину: неподалеку от землянки лежал окровавленный жеребенок. Мы подошли к нему. Трудно было определить, чьей он стал жертвой, да об этом никто и не думал, все с досадой бранили собак за их бездейственность. Труп жеребенка решили не трогать, а оставить для приманки, так как все были уверены, что хищник непременно придет его доедать.

Солнце уже стало хорошо пригревать, и косари на тройках, запряженных в конную косилку, направились в лощину, где находилась начатая вчера делянка. Я остался один в лагере.

Приближался полдень, нужно было приступать к приготовлению обеда. Я налил из деревянного бочонка воды в огромный закопченный котел, подвесил его на перекладину и начал разжигать костер. Вдруг я услышал странный собачий визг и невольно посмотрел в сторону землянки... И что же я увидел! Осторожно переступая лапами, к трупу жеребенка кралась довольно крупная, рыжеватая рысь. Собаки же, когда она была уже совсем близко, прижались к земле и прямо-таки скрылись в траве. Они лежали, издавая жалобный визг. Когда рысь подошла к своей жертве и начала терзать ее, собаки совершенно умолкли и чуть ли не ползком одна за другой ускользнули в землянку.

Я не верил своим глазам: как это так? Вроде бы маленький зверек среди бела дня осмелился прийти в лагерь, и четыре огромные собаки, вместо того чтобы наброситься на него и растерзать в клочья, предательски спрятались в землянке! Я не знаю, как ведут себя

собаки по отношению к рысям в других местах, но красноколюдские собаки боялись их как огня.

Честно признаюсь, наблюдая такую странную картину, я оробел, стоял в недоумении и не знал, что предпринять: стрелять в зверя или сбегать за старшими. Но в конце концов смелость поборола во мне труса. Я зарядил свою берданку и стал целиться. Расстояние было около пятидесяти метров, для дробы это далеко-далеко, а пульей я вообще и не мечтал попасть в цель. Единственная была надежда — напугать зверя. Итак, я выстрелил... Рысь подпрыгнула, взвизгнула и отскочила в сторону. Было видно, что я явно промахнулся, но дробь ударила около рыси и напугала ее. Гляжу, рысь вовсе не собирается бежать сломя голову, я нервно стал перезаряжать патрон. Она постояла на месте еще с полминуты, поглядела в мою сторону, повернулась и легкой рысцой побежала к осыпям. Мне было очень досадно, что выстрел даже не задел ее и она так спокойно и безнаказанно ушла. И только когда рысь исчезла из поля зрения, собаки выскочили из землянки и подняли дружный лай. Значит, они следили за ее действиями и, когда опасность миновала, показали свою храбрость. Рысь ушла. Больше ее никто не видел возле нашего лагеря. Этот случай мне показался весьма странным, ибо я не мог понять, почему хищница пришла в наш лагерь. Вряд ли ей не хватало добычи в осыпях. Очень бы хотелось узнать это. Но увы!..

Прошло несколько дней. Я свыкся с обстановкой и стал гораздо смелее. Сразу же после завтрака, если не было никаких дел, я брал берданку и направлялся к осыпям. Бродил над кручами, иногда спускался вниз, блуждал по зарослям, высматривал следы зверей. Следы особенно хорошо были заметны в зарослях можжевельника. Если заросли слишком густые, то под их кроной не бывает травы, а только желтеет сплошной слой старой хвои. Острые иголки так плотно и аккуратно уложены, будто кто-то приложил к этому свое умение. Часто в таких местах встречались хорошо заметные подкопы кабанов, остатки перьев каменных курочек или заячьей шерсти.

Однажды, шагая над обрывом, я вдруг заметил: метрах в семидесяти от меня, на небольшом бугорке, выступавшем над хаотически разбросанными сопками,

лежал какой-то зверь. Было понятно, что это не заяц и не медведь, а скорее всего лиса или рысь. Зверь лежал ко мне спиной, развалившись на солнышке. Яркие солнечные лучи освещали его так, что я не мог разглядеть как следует даже цвет его шерсти. Мне стало любопытно, и я осторожно, чтобы не испугать зверя, стал спускаться с обрыва. Но, несмотря на мою осторожность, песок под ногами сильно шуршал. Гляжу, зверь зашевелился: услышал шорох. Я моментально приостановился, присел, и только теперь мне удалось разглядеть слабые темноватые полоски на его теле. Значит, это рысь. Мне захотелось проследить за ее действиями, но там, где я приостановился, было неудобно ни стоять, ни сидеть, поэтому пришлось искать другое место.

Как только я, причем с большой осторожностью, сделал несколько шагов влево и опустился на траву, рысь тут же задвигалась. Она сначала перевернулась на спину, разбросив лапы в стороны, потянулась на кошачий манер, зевнула во всю пасть, обнажив острые, как иглы, зубы... Потом встряхнулась и мгновенно вскочила на ноги. Осмотревшись по сторонам, она повернулась в мою сторону и присела на задние лапы. Сидела строго, не шевелясь. Мне было плохо видно, но, судя по всему, она пристально всматривалась в мою сторону. Прошла минута, она продолжала сидеть, не меняя положения.

Мне хотелось узнать: в действительности она чувствует мое присутствие или мне это просто кажется? Я приподнял голову и тут же заметил, что она еще острее насторожила уши и немного сжала тело, будто бы готовилась к прыжку. Я снова опустил голову, и она приняла прежнее положение. Значит, она не только чувствует мое присутствие, но и видит меня, подумал я. Тогда совершенно непонятно, почему она сидит на месте, почему не убегает? Я изготовил ружье и стал выжидать. Прошло минут пять — все без изменений.

Я встал на колени и направил на нее дуло. Она наострила уши и, как и прежде, прижалась к земле, но больше никаких движений... Странно, подумал я, почему она не убегает?! Я не хотел показаться слабее рыси и решил проучить ее. Изловчившись, с колена, прицелился и выстрелил. Дробь достигла бугорка, но не задела рысь. Она слегка подпрыгнула, вильнула хвостом и не торопясь скрылась за бугорком.

Пока я перезаряжал патрон, она снова возвратилась на свое место и села в прежнем положении. Ну и ну!.. Я возмутился — невероятно, даже выстрел мой ей ни-почем! Другое дело, если бы это был молодой рысенок, а то ведь самая настоящая взрослая рысь. Тогда я решил выстрелить снова, но уже не дробью, а картечью. Выстрелил. Крупная картечь с порядочной силой ударила по бугорку, так что поднялась пыль. Но рысь снова осталась целой и невредимой. Она, так же как и прежде, не торопясь скрылась за бугорком. Я сидел и смотрел ей вслед. Минуты две она не появлялась. Но потом, гляжу, опять высовывает свою морду из-за бугорка. Высунулась наполовину, застыла на месте, прикинув к земле. Стрелять в третий раз было неинтересно, и я встал во весь рост. Она лежала, не сдвинувшись с места. Время шло, но мне не хотелось уходить, не дождавшись, чем кончится весь этот спектакль. Чтобы ускорить ход действий, я решил приблизиться к ней.

Не испытывая ни малейшей боязни, я спустился с обрыва в небольшую впадину и начал пробираться сквозь заросли гранатового кустарника. Бугорок исчез из поля зрения, и я уже не знал, что делает теперь бесстрашная плутовка. Минуя впадину, я выбрался на возвышенность, и бугорок снова предстал перед моими глазами. Гляжу, рысь уже сидит на своем месте на задних лапах. Нас разделяло расстояние не более тридцати метров. Я не стал высовываться и принялся рассматривать ее тайком. Теперь я видел ее гораздо лучше, чем прежде: рыжеватая, выгоревшая шерсть, испи-санная темноватыми полосками, лоснилась на солнце. Даже черные кисточки на кончиках ушей были видны вполне отчетливо. Морда, увенчанная пышными бакенбардами, казалась теперь несколько иной, более суровой, чем издали. Я глядел на нее и совершенно не думал о том, что являюсь созерцателем редкой картины. Ведь не многим приходилось в жизни встречаться лицом к лицу с кровожадным хищником. Смотреть на рысь, когда она находится в неволе, совсем не то. Попадая в неволю, зверь совершенно меняется по характеру. Даже взгляд и весь облик становятся другими... Я смотрел с восхищением на хищницу и не уходил. Но через несколько мгновений заметил, что рысь насторожилась. Мне казалось, что как только я пошевель-

нусь — она мгновенно исчезнет. Поэтому я не стал тревожить ее и осторожно спустился в следующую впадину. Минуя ее, я начал снова взбираться на возвышенность с еще большей осторожностью, так как до бугорка оставалось не более пятнадцати метров. Цепляясь за ветки кустарника, я взобрался на возвышенность и высунул голову, чтобы взглянуть на бугорок. Взглянул, бугорок был прямо перед моими глазами, но, увы, хозяйки на нем уже не было. Я быстрыми шагами поспешил к бугорку, но вовсе не для того, чтобы еще раз увидеть рысь, а просто мне хотелось хотя бы постоять на том месте, где она сидела. Поверьте, что это составляло для меня большое удовольствие.

Я достиг бугорка, поднялся на это место, остановился и начал обозревать окрестность. Прежде всего я взглянул туда, где находился сам в то время, когда заметил рысь; потом окинул взглядом тот путь, по которому пробирался к бугорку. К сожалению, ничего интересного там я не увидел. Повернулся в другую сторону, именно в ту, куда, по моему предположению, должна была уйти рысь. Смотрел, вглядывался в бесконечные заросли, сменяющиеся огромными уступами, но рыси нигде не было видно. Впрочем, я не надеялся увидеть ее еще раз, подумал, что ей уже крайне надоело играть со мной в прятки и она пошла искать более интересное развлечение.

Но я глубоко ошибался. И, конечно, я ошибся в том, что начал вглядываться вдаль. Когда же я стал обозревать ближний кустарник, то без малейшего усилия увидел зрелище еще более любопытное: на расстоянии не более тридцати метров на небольшом зеленом пятчке, который проглядывал сквозь крону кустарника, сидела рысь, спокойная и весьма, казалось, довольная. И сидела она не одна: около нее резвились три уже довольно взрослых рысенка. Они играли очень забавно: перепрыгивали друг через друга, сгибались дугой, щетинились, царапали когтями землю. А когда вдруг какой-либо из них хватал зубами хвост матери и начинал теревить его, рысь медленно поворачивала голову назад и как бы предупреждала, что этого делать нельзя. Рысенок тут же отпуская хвост и продолжал играть как ни в чем не бывало. Вот, оказывает-

ся, в чем скрывалась причина, подумал я. Материнство не знает страха.

Рысь всего лишь минут пять дала мне полюбоваться своими детьми. Потом она встала и увела их в заросли. Больше я их не видел. Я направился к тому месту, где они сидели. Спустился под откос метра на три и вскоре заметил небольшой подкоп — это и была их лежанка. По всем приметам лежанка была их временным пристанищем. На голой земле виднелись клочки рыжеватой шерсти и больше ничего не было. Я удивился: почему здесь не оказалось костей, остатков мяса или следов крови — ведь мать кормила их мясом? Вполне возможно, что в логове рыси не кормят своих детенышей мясом, чтобы не привлекать остатками пищи других зверей. А может быть, рыси, как только рысята станут на ноги, уводят их из родного гнезда и в дальнейшем очень часто меняют место жительства. Это продолжается до тех пор, пока семья не распадется.

Я постоял на бугорке минут десять, все размышлял об увиденном. Уходить мне не хотелось, но время шло, приближался обед, и я отправился к стану.

К вечеру нашего полку прибыло — приехал новый косарь. Я теперь уже не помню, как его звали, но фамилию запомнил — Марков. Крепкий мужчина лет сорока, он к тому же оказался заядлым охотником.

За ужином я рассказал о том, как встретился с рысью. К моему разочарованию, никто не удивился. Все уже давно знали, что рыси чересчур любопытны и эта черта проявляется у них в самых невероятных обстоятельствах. Марков, охотно выслушав мой рассказ, отнесся к нему вовсе не скептически, а, напротив, поддержал меня. Он тут же рассказал нам почти аналогичный случай. Хотя речь шла не о рыси, а о диком коте, это не меняло сути дела, ибо рыси и коты — звери родственные. Мне хочется коротко рассказать об этом.

Как-то раз Марков охотился перед вечером где-то неподалеку от Панташарских осыпей. Взираясь на холм, он вдруг заметил, что на его вершине что-то промелькнуло. Он пригнулся и прибавил шагу. Глядит, на том же месте, метрах в двадцати от него показался дикий кот. Охотник разочаровался, встал во весь рост и пошел. Спустя несколько мгновений кот снова появился уже метрах в пяти от охотника. Охотник не-

вольно припугнул его, направив дуло ружья. Кот вильнул в сторону и скрылся за небольшими кустарниками. Охотник, не обращая на него внимания, спустился с холма и пошел дальше. И когда обернулся назад, то увидел, что кот сидел на прежнем месте и глядел ему вслед.

С приходом Маркова жизнь моя значительно изменилась. Мы с ним сразу нашли общий язык. Несмотря на усталость от работы, мы по вечерам отправлялись к осыпям. Хождение по осыпям в вечернее время не приносило больших успехов, ибо шорох песка и стук камней под ногами были слышны на далеком расстоянии и «оповещали» зверей о приближении опасности.

Через некоторое время произошел случай, который отбил настроение к охоте. Молодой жеребец, блуждая вокруг стана, насытился вдоволь травой, прилег и придавил ядовитую змею, дремавшую в траве. Она укусила его в правую лопатку. Жеребец вскочил на ноги и сильно заржал. Когда мы подбежали к нему, сразу поняли, в чем дело. Место укуса страшно раздуло. Опухоль на глазах увеличивалась. Трое суток жеребец стонал, ничего не ел и не пил. В конце концов он все же переборол смерть, стал понемногу есть, пить и совершенно поправился.

Поскольку зашел разговор о панташарских змеях, мне хочется рассказать о них несколько подробнее, к тому же это имеет прямое отношение к рысям. В Панташарских осыпях и в их окрестностях раньше змей водилось множество, теперь гораздо меньше. Причем змеи были самые разные: гюрза, гадюка Радде, ужи, желтопузы, удавчики. Но больше всего встречались полозы — змеи длиной по метру и более. Во время сенокоса, если косилка попадала в сырую лощину с густым травостоем, змеи десятками попадали под косу. Коса перерезала их на несколько частей, и косилка была похожа прямо на мясорубку. Иногда косари из-за этого оставляли участки с хорошим травостоем.

Не меньше их обитало и над осыпями. Я сам не раз наблюдал, как они лежали и грелись на солнце у самого обрыва. Когда приблизишься к ним метра на три, они клубками скатываются вниз. С запада к Панташарским осыпям прилегает холмистая местность — Зарлеби, а с юга — довольно обширная Вашлаванская

низменность. Раньше эти места считались сенокосными, и сюда приезжали косари из Красных Колодцев. Но бывали случаи, когда косарям приходилось возвращаться обратно, так как из-за змей косить траву было невозможно. Тогда ведь косили ручной косой, и, конечно, вряд ли будешь продолжать работу, когда каждую минуту под косу попадает змея.

Не так давно старый, хорошо мне знакомый охотник И. Федоров рассказал интересный, довольно редкий случай.

С севера к Панташарским осыпям прилегает дикая местность — Эльдари. Рельеф местности весьма разнообразный. Там встречаются сухие степи, сплошные голые холмы и овражистые места, поросшие лесом и кустарником. Раньше красноколодцкие охотники часто выезжали туда на охоту. Охотились на всякую дичь, но чаще на зайцев и кабанов. И вот однажды ранней осенью небольшая группа охотников продвигалась по лесистой местности. Охотники шли цепью впереди, а позади ехал Федоров на фургоне: вез одежду, продукты и прочее. Фургон медленно тащился по высохшему лиману. Кучер от такой скучной езды слегка задремал и лишь изредка посматривал на дорогу. Но вдруг лошади резко остановились, как будто фургон что-то затормозило. Федоров очнулся от толчка, машинально взмахнул кнутом, но лошади, вместо того чтобы тронуться вперед, попятились назад. Федоров взглянул на дорогу и увидел огромную змею, медленно ползущую по лиману. Подобных змей никто в тех местах сроду не видывал, и, естественно, он испугался и не знал, что предпринять. Пока он размышлял, змея уползла, оставив после себя широченный след.

Как только змея скрылась, лошади свободно пошли. Федоров подхлестнул их кнутом, чтобы догнать своих и рассказать им об этом. Догнал. Собрались все охотники, но никто не поверил рассказанному. Тогда один из них вскочил верхом на коня и поехал к змеиному следу. Найдя его, он увидел, что след действительно был очень широкий, и поехал по нему. Вскоре догнал змею. Когда она была далеко, лошадь шла свободно, но, приблизившись метров на двадцать, остановилась и никаким усилием ее нельзя было сдвинуть с места. Змея, почувствовав всадника, тоже приостановилась и

подняла голову. Охотник снял ружье и выстрелил ей в голову. Выстрел был точным, голова сразу прилипла к земле. Но змея начала биться о песок. Билась она минут десять, причем с такой силой, что выбила под собой целую борозду.

На выстрел пришли остальные охотники. Посмотрели и стали рассуждать: к какому виду могла принадлежать эта змея. Некоторые высказывали мнение, что змея не что иное, как удав. Действительно, подобные размеры свойственны только удавам. Но тем не менее на Кавказе удавы никогда не водились. Правда, водятся удавчики, но они достигают длины всего лишь до метра или немногим более, а толщины максимум пять-шесть сантиметров. В Панташарских осыпях часто встречаются песчаные (пятнистые) удавчики, которые проводят большую часть своей жизни в песке. Охотники удивились, встретив гигантскую змею.

Весьма любопытные сложились отношения со змеями у рысей. Укус ядовитых закавказских змей особенно в разгар лета настолько силен, что после него даже крупные животные выживают лишь в редких случаях. Однако для рысей ни змеи, ни змеиный яд не представляют никакой опасности. Напротив, рыси распоряжаются змеями как хотят, иногда даже поедают их. Рысь свободно подходит к змее, наступает лапой на голову и начинает с хвоста пожирать ее живьем, оставляя только голову. Рассказывают, что рыси иногда просто играют со змеями. Поймав даже ядовитую змею, рысь садится около нее и начинает играть. Подбрасывает ее лапками, прижимает к земле, легонько кусает зубами, в общем забавляется, как может. Змея же и не пытается укусить рысь или уйти от нее. Она извивается, стараясь поднять голову вверх, обвивает шею, лапы рыси, заползает под брюхо, а иногда сворачивается в клубок и лежит неподвижно. Явление это совершенно загадочное: или змея боится рысей шерсти, или, может быть, рысь каким-то образом гипнотизирует змею. Кстати сказать, и овцы не боятся змей. Однажды я сам видел, как неподалеку от русского кладбища в Красных Колодцах, на небольшой лужайке несколько овец, отбившихся от стада, напали на змею. Они безжалостно топтали ее до тех пор, пока не смешали с землей.

В последнее время в районе Панташар выпасают много овец. Вполне можно предположить, что овцы активно уничтожают змей, так как их стало в тех местах значительно меньше. Это предположение имеет под собой почву, так как других причин постепенного исчезновения змей в тех местах нет: земли здесь никто не распахивал, люди не заселялись, климат не менялся.

Итак, вернемся к дальнейшим событиям. После того как хождение по осыпям не принесло никаких результатов, Марков предложил мне отправиться на ночь в засаду к родничку. Предложение было заманчивым. Я согласился, нисколько не задумываясь. Действительно, ведь много всякого зверья приходит к родничку в ночной час, чтобы в тишине утолить жажду после продолжительного жаркого дня.

Когда я сообщил о своем намерении отцу, он наотрез отказался отпустить меня. Он сам не очень увлекался охотой и во мне старался сдерживать пыл чрезмерного увлечения этим занятием. Но в конце концов мне все уже удалось уговорить его, и он согласился.

Как только начало темнеть, мы с Марковым направились к родничку. Решили не спускаться в самую глубь оврага. Он предложил сесть где-либо на берегу балки, чтобы и балка и родничок просматривались сверху. Пробравшись сквозь густые заросли можжевельника, мы вышли на небольшую полянку, прижатую со всех сторон к балке. На ней стоял огромный гранатовый куст, а за ним следовал обрыв как раз с той стороны, где находился родничок. Марков осмотрелся вокруг и сказал:

— Ну вот, ты садись здесь, а я пройду дальше...

Я замялся, оглянулся назад, ночь уже спустилась над лесом, и тяжелая темнота окутывала деревья. Представив свое одиночество в этой мрачной обстановке, я вдруг оробел и тут же сказал:

— Нет, давай-ка лучше вместе сядем.

Марков взглянул на меня и улыбнулся. Мы расположились под кустом. Если смотреть сверху вниз, то родничок находился левее от нас метрах в тридцати. Признаюсь откровенно, что родничок наш был совсем не такой, какой воспел Лермонтов в «Трех пальмах». Он не пробивался из почвы бесплодной, не струился холодной струей и не журчал. У подножия слоистого

полупесчаного уступа имелось небольшое углубление, над которым свисали высокие деревья. Корни их паутиной опутали это углубление, и по ним медленно стекала вода, не очень холодная, но чистая, как слеза. Там она собиралась, отстаивалась и сочилась дальше по балке, орошая сухую твердую землю. Через десять-пятнадцать шагов вода исчезала в земле, и дальше было абсолютно сухо.

Мы сидели с Марковым молча. Мертвая тишина породила монотонный звон в ушах. Ни малейшего движения, ни малейшего ветерка. Раскаленный за день песок испускал приятное тепло и какой-то своеобразный запах. Пахло хвоей душистого можжевельника. Ночь была лунная, но тусклое сияние луны не слишком улучшало видимость, так как огромные холмы, крона сплошных деревьев бросали свои тени в глубину балки и затемняли ее. Все, что доступно нашему взору,— это отблеск молчаливого родничка и едва заметные отблески крупных гладких камней, разбросанных по балке.

Сидение в глухом лесу и вынужденное молчание не вызывали ни малейшей скуки. Неутомимое ожидание чего-то невообразимого, любопытного; легкое ощущение страха и напряженный взгляд, прикованный к мрачной арене, на которой с минуты на минуту должны произойти эти ожидаемые события,— все это создавало в душе такое неподражаемое наслаждение, прелесть которого невозможно передать ни пером, ни словом. Маркову захотелось курить, но я с настойчивостью уговорил его не делать этого, чтобы не нарушать священных законов ночной охоты.

Часам к двенадцати ночи в тишине стали появляться всевозможные шорохи. Марков припугнул меня:

— Смотри, не спи,— шепнул он,— а то незаметно подкрадется сзади медведь, выхватит из твоих рук ружье, да как замахнется прикладом, так оба и очутимся в балке...

Понятно, что я не верил в подобные проделки медведей, но, как бы там ни было, стал частенько оглядываться назад, хотя в темноте среди густых зарослей невозможно было ничего разглядеть.

Пока мы с Марковым перешептывались, из глубины балки начал доноситься резкий шорох. Мы прислушались и определили, что шорох доносился со стороны

родничка. Было хорошо слышно, как трещали сухие сучья, ударялись друг о друга мелкие камешки и шуршал осыпающийся песок. Спустя две-три минуты шорох утих, но послышался слабый звук плескающейся воды. Было похоже, будто крупный зверь пьет воду.

— Слышишь, как плещет вода? — прошептал Марков мне на ухо не голосом, а дыханием.

— Слышу, — ответил я так же тихо.

— А видишь что-нибудь? — добивался он.

— Нет, ничего не вижу, — последовал мой ответ.

И действительно, мы напрягали зрение до предела, но ничего, даже никаких темных пятен, вызывающих подозрение, не могли заметить. Ничто не заслоняло сверкающую чуть заметным блеском поверхность родничка.

Прошло еще несколько минут. Шорохи появились снова в том же месте. Сначала мы подумали, что зверь напился воды и удаляется от родничка по своей тропинке. Но догадки не оправдались — вода в родничке плескалась, как прежде, причем плескание не усиливалось и не уменьшалось. Что же это могло быть, думали мы, неужели один зверь пришел, напился воды и ушел, а следом за ним пришел другой... А может быть, пришли сразу два: один напился и ушел, а другой еще вертится у родничка. Мы решили ждать, когда напьется другой. Ждали десять, двадцать минут, полчаса — картина повторялась та же самая, но ничего не было видно.

Я не вытерпел и зашептал Маркову на ухо:

— Давайте, — говорю, — направим все три ствола прямо в родничок и выпалим напропалую, если есть кто, то не уйдет от такого залпа.

— погоди, потерпи, это никуда не годится, — овечал он мне.

Я успокоился и как-то случайно повернул голову в другую сторону. И в это мгновение правее от нас, в глубине балки блеснули яркие огоньки. Их было два. Я вздрогнул от неожиданности, подумал, что это мираж, так как огоньки мгновенно исчезли. Однако это заставило меня насторожиться и не сводить глаз с того места. Я глядел так внимательно, аж темные круги начали расплываться перед глазами. Но вот огоньки появились снова, причем уже в другом месте, немного

левее и поближе к нам. Теперь мне не пришлось напрягать зрение, чтобы ясно увидеть, как они сияли на темном фоне. Ни шорохов, ни звуков не было слышно при этом. Я толкнул Маркова плечом и показал ему это зрелище. Он взглянул и тут же прошептал мне на ухо:

— Вот это да-а-а... Фонари, так фонари...

— Что это? — с нетерпением любопытствовал я.

— Непременно волк, — убедительно ответил он.

— А может быть, шакал или рысь? — переспросил я.

— Нет, — убеждал он, — такие яркие глаза только у волков бывают, видишь, как маячит на месте. Ведь отлично видит нас, стервец, но почему-то не уходит...

Я хотел было еще задать вопрос, но Марков приостановил меня и распорядился:

— Ты, — шептал он, — прицеливайся вместе со мной, но только не стреляй, выстрелю я один, а ты оставь свой заряд на всякий случай...

Мы прицелились, точнее говоря, просто навели стволы на огоньки, так как ни мушки, ни прореза совершенно не было видно, несмотря на то, что на концах стволов были наклеены белые бумажки для яркости. И вот грянул выстрел. Марков выпалил дуплетом и так, что выстрелы почти слились. Вслед за выстрелом послышался жалобный душераздирающий визг. Какое-то раненое существо начало с бешеной скоростью носиться по балке. Огоньки сопровождали его, то появляясь, то исчезая. Слышался легкий стук камней и шорох песка. Мы насторожились. Визг постепенно ослабевал и становился каким-то сиплым. И вдруг это существо сделало сильнейший рывок и прыгнуло прямо на стену обрыва, над которой мы сидели, вернее, уже стояли на коленях. Прыжок был настолько сильным, что мы услышали, как, не долетев метра полтора до наших ног, несчастное существо ударилось о стену и, увлекая за собой массу песка и глины, с шумом грохнулось на землю. На этом прекратился визг и погасли носящиеся огоньки.

Мы подождали еще минут десять. Все было погружено в унылое спокойствие. Затихли шорохи у родника, не слышалось больше плеска воды.

— Ну вот, — сказал Марков почти во весь голос, — на этом наша охота окончена. Теперь сюда больше никто не придет...

— А что со зверем? — тревожно спросил я.

— Да ничего, пусть лежит до утра, утром разберемся.

Было уже около трех ночи. Мы поднялись и пошли в лагерь. Добравшись благополучно до стоянки, мы тут же легли спать. Мне не спалось, я с нетерпением ждал утра.

Едва только занялся рассвет, Марков уже был у моей постели. На ремне у него висел большой охотничий нож с черной ручкой, торчавшей из ножен.

— Ну, вставай, пошли, прихвати свое ружье, — сказал он.

Я моментально поднялся, и мы пошли. Спустившись в балку, мы очутились около родника. Марков приостановился и послал меня посмотреть: нет ли там каких-либо свежих следов. Я тщательно осмотрел родничок, но следов не обнаружил. Может быть, они и были, но на сухой притоптанной земле их не увидеть.

Мы пошли дальше, к месту ночного происшествия. Подошли и увидели, что под самой стеной обрыва лежало окровавленное тело рыси, слегка засыпанное песком. Она была уже мертва и холодна. Марков теперь воочию убедился, что это был вовсе не волк. Он бросил на меня лукавый взгляд и с удивлением сказал:

— Такая мелюзга, а столько шума наделала и страху нагнала...

Хотя Марков произнес эти слова с явным удивлением, но мне почему-то показалось, что он еще ночью, когда она раненая носилась кругами, разубедился в своей первой догадке насчет волка.

Мы осмотрели тело рыси и обнаружили три ранки на передней части тела. Три крупных дробинки прошли почти через всю грудь, но ни одна не вышла на вылет. Мы не стали тащить ее в лагерь, а тут же на месте сняли шкуру. Я полюбóпытствовал и вскрыл грудную клетку. Оказалось, что две дробинки засели в правом легком, а третья прошла сквозь стенки аорты и разорвала ее. Представьте себе, какой титанической жизненной силой нужно было обладать рыси, чтобы со смертельным ранением столько метаться, а потом еще совершить чуть ли не десятиметровый прыжок!

Шкуру мы сняли очень аккуратно, целиком, натянули ее на рогатину и понесли в лагерь.

Подоспев как раз к завтраку, мы присели к столу, вернее, к небольшой старой скатерти, разостланной на траве. Когда все посмотрели шкуру, мы воткнули рогатину в землю и приступили к завтраку. Загремели миски, ложки, почувствовался пленительный запах еды. И в этот момент наши собаки, как по сигналу, гуськом направились к нам, надеясь полакомиться угощением. Помню как сейчас, что впереди всех бежала самая здоровенная лохматая дворняжка. И вдруг по пути, уткнувшись прямо носом в торчавшую рогатину, она увидела шкуру. Куда девалось стремительное движение к лакомству! Дворняжка, как пораженная громом, застыла на месте и, подняв голову кверху, завывала прямо-таки по-волчьи. В это же мгновение подоспели и остальные. И они, взглянув на шкуру, пристроились сбоку и точно так же начали выть. Выли дружно, очень жалобно и усердно. Все, кто наблюдал эту картину, закатывались со смеху. Марков не выдержал и запустил в них обгоревшее полено.

Собаки на минуту прервали вой и отскочили в сторону. Но потом опять собрались вместе, окружили рогатину и снова принялись за свой концерт.

К сожалению, до сих пор я не могу выяснить, чем все-таки вызвана такая фанатическая боязнь собак рысей.

* * *

Панташарское лето помогло мне разгадать одну довольно важную загадку. Еще в детстве меня интересовал вопрос: могут ли рыси плавать? Я много раз спрашивал об этом у старших, у охотников, но никто не мог дать мне вразумительного ответа. Правда, некоторые говорили, что рыси не могут плавать и ужасно боятся воды. Однако эти суждения были основаны всего лишь на предположении, ведь в наших краях рыси живут в жарких сухих местах, где мало крупных водоемов. Кроме того, их сравнивали с кошками, которые боятся воды больше, чем огня. Я почти согласился с тем, что рыси, обитающие в наших краях, не могут плавать. Но один случай заставил меня отказаться от прежней точки зрения.

Родничок, о котором я рассказывал, был мелкий, и воды в нем хватало нам только для питья. Поэтому,

чтобы напоить наших лошадей, мы были вынуждены возить воду с реки Иоры. Эту работу старшие доверили мне.

Как только заканчивалась вода в огромной деревянной бочке, я запрягал пару лошадей в телегу, укреплял бочку веревкой и направлялся к реке, к тому месту, где на высокой сопке чернела старинная мечеть, куда мусульмане ходили молиться по праздникам. Подножие этой сопки — Мечетки, как ее называют в народе, омывает Иора. Вокруг по ее берегам тогда простирался редкий лес. Берега Иоры в том месте почти совершенно пологи. Я подъезжал вплотную к реке и, черпая воду ведром, наполнял бочку.

Однажды, приближаясь к своему обычному месту, я заметил небольшую группу ребятишек, которые оживленно бегали вокруг дерева, махали палками и кричали. Подъехав поближе, я поинтересовался: что же там происходит? Оказалось, что ребятишки гоняют рысенка. Зверек сидел на дереве, качаясь на ветвях, и глядел вытаращенными глазами на ребят. Ребята толпились около дерева и бросали в него палками. Рысенок прыгал с ветки на ветку, фыркал по-кошачьи, открывая пасть. Я подошел к ребятам. Оказалось, что они хотят его поймать. Но как же взять рысенка руками живьем, если кроме палок у них ничего не было? Рысенок, хотя и был не очень крупным, мог оставить приличную рану. Тем не менее и я присоединился к ребятам. Только предложил другой способ ловли. У меня был старый плащ из толстой грубой ткани, который я брал на всякий случай. Этот плащ теперь мог нам пригодиться. Мы решили сбросить рысенка с дерева и в момент его падения на землю немедленно накрыть плащом.

Трое ребятишек смело полезли на дерево и начали трясти ветви. Мы, также втроем, держали наготове развернутый плащ. Испуганный рысенок качался на тоненьких ветках, перепрыгивая с одной на другую, стараясь держаться подальше от нас. Мы следили за его движениями. Наконец рысенок не выдержал, совершил несколько резких скачков по ветвям и грохнулся на землю, но вовсе не там, где мы ожидали, а метрах в пяти от нас. Мы даже не успели приблизиться к нему и на шаг, как он сорвался с места и помчался к реке. Не добегая метров пятнадцати до воды, рысенок снова

взобрался на дерево и, как прежде, устроился на сучьях.

Теперь уже было ясно, что накрыть его плащом во время падения с дерева нам не удастся. Поэтому я решил продолжить ловлю иначе: один парнишка с длинной палкой полез на дерево, а мы с остальными ребятами должны были оттеснить рысенка к реке. Я надеялся, что боязнь воды введет рысенка в растерянность, и мы в этот момент накроем его плащом.

Взобравшись на дерево, парнишка старался палкой столкнуть рысенка с дерева. Зверек хватался зубами за конец палки, а иногда отпихивал ее лапой. Но тут парнишка сильно ударил палкой по ветке, рысенок не удержался и снова упал на землю. Мы бросились к нему, стараясь прижать его к берегу, а он и не стал сопротивляться, напротив, легко и свободно побежал к реке. Мы за ним следом. Добежав до берега, рысенок без всякой задержки и раздумья бросился в воду и поплыл на другой берег, обходя пороги. Я, честно говоря, опешил. Рысенок плыл по-собачьи, быстро и уверенно. Только мелкие брызги разлетались впереди него от ударов передними лапами по воде. Голову он держал кверху, слегка касаясь подбородком волны. Спустя несколько мгновений он уже был на другом берегу. Выйдя из воды, он остановился, отряхнулся и побежал в лес.

Так рассеялись мои неверные убеждения о том, что рысь боится воды. Не знаю, что подумали ребята, глядя в мои удивленные глаза. Я, как ни странно, не заметил на их лицах никакого удивления. Возможно, они были свидетелями такой картины не впервые.

* * *

В последние дни пребывания в Панташарах мне повезло пронаблюдать любопытную картину охоты рыси на зайца. За несколько дней до отъезда, когда начались сборы в дорогу, времени для охоты почти не оставалось. Но я все же не упускал удобного момента пройтись под вечер к осыпям. Метрах в трехстах от нашего лагеря прямо среди осыпей высилась сопка, на которой не было ни дерева, ни кустика, а только желтел песок и кое-где проглядывала выгоревшая трава.

И вот перед заходом солнца я направился к этой сопке. С большим трудом забрался на самую вершину, чтобы полюбоваться окружающей природой. Сверху осыпи были особенно живописными. Курчавые верхушки деревьев мелькали зелеными пятнами, то утопая в глубине оврагов, то снова появляясь на склонах и вершинах холмов. Заходящее солнце играло зайчиками, скользя от вершины к вершине. Балки и овраги, казавшиеся ранее беспорядочно разбросанными по осыпям, теперь выглядели совершенно иначе: мелкие впадали в более глубокие, глубокие тоже сливались друг с другом и потом огромными руслами врезались в ущелье. Я глядел вниз и не мог налюбоваться прекрасным зрелищем.

Как только солнечный круг прикоснулся к горизонту, кое-где на холмах закричали каменные курочки. Очевидно, кто-то тревожил их. Всмотриваясь вниз, на небольшой поляне я вдруг увидел одинокого зайца. Он прыгал медленно, спокойно, временами останавливался, наострял уши, прислушивался. Иногда опускал морду и что-то вынюхивал. Может быть, щипал траву. Через некоторое время неожиданно я заметил рыжую спину рыси. Она лежала на брюхе неподалеку от зайца. Сначала мне показалось, что она лежит совершенно неподвижно. Но когда я присмотрелся, то заметил, что она время от времени поднимает голову, потом мгновенно опускает ее, ползет вперед, прижимаясь к земле, и с полминуты снова лежит неподвижно. Так повторялось несколько раз. И рысь это делала произвольно, вовсе не из-за опасения попасться на глаза косому. Заяц даже и не подозревал, что она крадется к нему. Он не мог заметить рыси, потому что их разделял небольшой кустарничек.

Прошло минут десять. Заяц не уходил с поляны. Потом, гляжу, рысь начала осторожненько ползти к нему. Ползла она прямо-таки на брюхе, выбрасывая вперед себя передние лапы на всю длину. Заяц и теперь не обращал никакого внимания на ее действия, ясно, что ничего не замечал. Я уже насторожился и замер в ожидании: вот-вот она приблизится к кустам, сделает несколько резких прыжков и схватит зайца! Но, увы, мои волнения оказались напрасными. Рысь показала себя гораздо разумнее и хитрее, чем я о ней думал.

Она подползла вплотную к кустарнику, приостановилась, потом перепрыгнула через кусты и затанцевала на одном месте, создавая шум и видимость опасности. Заяц мгновенно заметил ее, сорвался с места и помчался без оглядки большими прыжками. Перескочив через небольшую балочку, он подбежал к кустарнику, остановился и начал прислушиваться. Рысь, как только напуганный заяц сорвался с места, будто бы помчалась следом за ним, но, пробежав метров двадцать, резко повернула в сторону. Обогнув большой круг, она очутилась метров на тридцать впереди зайца. Остановилась, осторожно подошла к кусту и прилегла за ним. Заяц сидел, сосредоточив все свое внимание: не гонится ли кто за ним следом. Потом он опустил уши и легонько попрыгал по траве. Мало-помалу, осторожными прыжками, он начал удаляться от того места, где его испугали. Прыгает, а сам так и косит назад и совершенно не подозревает, что приближается прямо в лапы рыси.

Прошло минут десять. Заяц, успокоившись, шаг за шагом приближался к кусту, за которым скрывалась хищница. Рысь приподняла голову и приготовилась к прыжку. Наконец заяц подобрался к кусту почти вплотную... Но тут его встревожило какое-то предчувствие: он резко опустился на задние лапы, наострил уши и начал прислушиваться. Рысь в это мгновение крепко прижалась к земле и словно окаменела. И как только заяц уткнулся своей мордой в траву, она сделала ловкий прыжок, в одно мгновение надела на него сверху, схватила зубами и придавила к земле. Несчастный несколько раз жалобно пискнул, потрепыхался с минуту и вытянул ноги. В этот момент я выстрелил исключительно ради шума, так как нас разделяло расстояние более 150 метров, и дробь туда не могла долететь. Рысь, услышав выстрел, мгновенно выпустила зайца и приподняла голову, однако придерживала его своими лапами. Спустя минуту она спокойно схватила свою добычу и потащила в овраг. Больше я ее не видел.

Возвращаясь в лагерь, я всю дорогу думал о том, как здорово рысь усвоила все заячьи привычки и как мастерски воспользовалась слабостями косоного. Ведь догнать зайца ей не под силу, рысь бежит плохо. На полном ходу она способна бежать не более трехсот метров, быстро устает и останавливается. Заяц же,

убегая от погони, никогда не бежит сломя голову. Если он чувствует, что враг догоняет его, то начинает путать следы, создавая такие сложные петли, разобратся в которых не хватит способности даже у охотничьей собаки. А если за зайцем гонится зверь или собака не слишком быстро, то он бежит по кругу, периодически останавливаясь передохнуть. И каждый раз старается держать путь по старому следу. Но тем не менее есть у зайца в этом инстинкте самосохранения некоторые пробелы, которые и губят его.

Заяц слишком сосредоточивает свое внимание на появившейся опасности. Он совершенно не думает о том, что на пути его может постигнуть другая опасность. У зайца не слишком остро развито обоняние, чтобы чувствовать на далеком расстоянии своего противника. Зачастую он не может распознать по запаху человека, находясь от него в трех-четырех метрах. Слух у него исключительно острый, но этого далеко не достаточно, чтобы жить в безопасности среди дикой природы. Рысь отлично пользуется этой слабостью и ловит зайцев без всякого труда.

Бывали случаи, когда зайцы, гонимые собакой, с перепугу наталкивались прямо на охотника, стоящего где-нибудь на поляне. Часто, подбегая сзади, они проскакивали между ногами охотника и мчались дальше прямо под выстрел. Конечно, от такой неожиданности и охотник терялся, а зайцу удавалось уходить, так как собака при встрече с хозяином замедляла бег, тогда как косою за это время уходил далеко.

Случай с зайцем является типичным примером специфики рысей охоты. И действительно, рысь никогда не старается пускаться вдогонку за своей добычей. Ей свойственны более «деликатные» приемы охоты: выслеживание, подсиживание, а также быстрая реакция. Большой частью рысь не проявляет чрезмерной назойливости. Если вдруг она сделает неудачный прыжок, значит, все кончено — хищница никогда не пускается вдогонку, а, напротив, поворачивается и спокойно уходит.

Очень часто рысь выслеживает добычу на звериных тропах. При этом она садится где-либо в укрытом местечке, зачастую залезает на дерево, на пень, на скалу. Сидит, совершенно не шевелясь, словно превратившись в мумию. Заметить ее очень трудно, так как

благодаря своеобразной окраске она сливается с окружающей средой. Ее окраска подходит и к цвету камня, и к цвету древесной коры, и к цвету листвы. Ее трудно заметить и на оголенной глинистой почве.

Охотники рассказывают, что рысь ловит каменных курочек прямо на лету. Каменные курочки обитают на земле большими стаями. Они быстро бегают и легко взлетают. Причем взлетают они весьма своеобразно: сначала вздымаются свечкой ввысь, застывают на мгновение, а затем выравниваются и летят с большой скоростью параллельно земной поверхности. Рысь, когда ей вдруг захочется отведать курятинки, начинает следить за стаей. Улучив момент, она подкрадывается к стае и делает высокий прыжок. Курочки взлетают, и она хватается на лету вспорхнувшую поблизости птицу.

Рысь обладает одной очень интересной особенностью, почти не свойственной другим хищникам: она охотится за добычей даже тогда, когда совершенно сыта. Вообще она ест очень много и причем довольно часто. Так, зайца она съедает запросто. Если ей удастся поймать более крупное животное: овцу, антилопу, теленка, то она не съедает все сразу, а оставляет добычу на месте или припрятывает ее и обязательно возвращается, чтобы доест оставшуюся дичь. Третий раз к добыче рысь уже не приходит. Очевидно, потому, что не терпит падали, а любит питаться только свежим мясом. Если где-либо на ее пути встречается падаль, она обходит это место.

Поражает еще одно любопытное обстоятельство. Когда рысь сыта, она не сразу душит пойманную добычу, а очень долго играет с ней. Играет до тех пор, пока в конце концов не замучит до смерти. Наигравшись, она оставляет жертву и уходит. Если возвращается снова, то вовсе не за тем, чтобы съесть, а просто посмотреть: не ожила ли ее добыча. Осмотрев добычу, рысь уходит, оставляя ее на съедение шакалам или лисам.

* * *

Побывав в Панташарских осыпях, давайте снова вернуться в Красные Колодцы, чтобы узнать еще несколько любопытных историй о рысях.

В начале рассказа мы говорили, что рысь питается

крупными животными. Естественно, она вынуждена на них нападать. Как же рысь справляется с ними?

К северо-востоку от Красных Колодцев простирается прекраснейшая Алазанская долина. Еще в прошлом столетии Бестужев-Марлинский писал, что на Кавказе есть только два чуда природы: Алазанская долина и Дарьяльское ущелье. Долина начинается у подножия лесистого плоскогорья, на вершинах которого гнездятся Красные Колодцы, и тянется до самой реки Алазани. А далее, за рекой, сквозь туманную дымку темнеет лес, за ним сияют неопишуемой прелестью белоснежные вершины Главного Кавказского хребта. И эти просторы вечных снегов, сливаясь с облаками, ярко блестят на голубом небе.

Лесистое плоскогорье, прилегающее к долине, славится изобилием богатых пастбищ. Поэтому здесь разбросано несколько колхозных животноводческих ферм. Однажды летней порой пастух пас небольшое стадо коров. День был жаркий, коровы разбрелись по кустарнику, а он прилег вздремнуть под тенью прохладной листвы. Вдруг неистовый рев коровы, раздавшийся эхом над всей долиной, разбудил его. Он мгновенно вскочил и увидел, как по кустам и канавам, не разбирая дороги, с бешеным ревом неслась корова. А на ее спине, вцепившись когтями, сидела, покачиваясь, рысь. Морда ее была обращена к крупу коровы. Крепко держась лапами за живое тело, она разгрызала мякоть в области крупа.

Пастух с криком, сломя голову бросился наперерез бегущей корове. Он мчался с горы вниз, размахивая палкой — единственным оружием, которое имелось при нем. Корова, услышав его крик, повернула в другую сторону и понеслась к долине. Пастух бежал следом, но расстояние между ними с минуты на минуту увеличивалось, ибо корова бежала слишком быстро. Потом, добравшись до равнины, корова повернула направо и понеслась вдоль долины по кустарнику и оврагам. Рысь, как и прежде, продолжала терзать ее. В конце концов несчастное животное выбилось из сил, почти прекратило рев и резко замедлило шаг. Заметив это, пастух прибавил шагу. И тут корова споткнулась и со всего маху рухнула на землю. Рысь немедленно соскочила с нее и отбежала в сторону метра на три. Однако при этом убежать

не собиралась, а приготовилась к прыжку. Корова попыталась подняться, но тут же, обессилев, повалилась снова.

Когда пастух подбежал метров на пятьдесят, рысь сделала сильный прыжок в кусты и скрылась. Подойдя к корове, пастух помог ей подняться. Рана была огромная и глубокая, из нее, не прекращаясь, сочилась кровь. С трудом пастух пригнал корову на ферму, но ее пришлось прирезать, так как залечить такую рану в жару практически было невозможно.

К сожалению, такой поразительный случай не является редкостью, подобное, хотя не очень часто, все же бывало в наших краях.

Эти повадки свойственны не только кавказской рыси. Известно, что сибирская рысь загрызает живьем оленей и лосей. В Индии и Африке рыси нападают на буйволов. О способах, которыми рысь пользуется при нападении на крупных животных, мало известно. Говорят, что рысь чаще всего прыгает на шею животному и перегрызает крупные кровеносные сосуды, после чего животное истекает кровью.

Чем же вызвано нападение рыси на крупных животных? Может быть, недостатком мелкой добычи? Вовсе нет. Главная причина в том, что рысь чрезмерно кровожадное животное. Наблюдениями многих охотников установлено, что рысь обладает пристрастием питаться свежей кровью. Причем такая потребность появляется у рыси в определенный период. Нападая на мелких животных, она иногда только высасывает из них кровь и оставляет нетронутым мясо. Естественно, что в мелком животном недостаточно крови для ее насыщения. Очевидно, поэтому, испытывая жажду крови, рысь вынуждена нападать на крупных животных, причем самыми невообразимыми способами.

* *

*

Рассуждая о повадках рыси, удивляешься, до чего они многогранны и поразительны. Действительно, как щедро наградила природа эту большую кошку ловкостью, мастерством и премудростью, которые помогают ей пользоваться всеми «благами жизни».

Мы уже упоминали о том, что рыси превосходно лазают по деревьям. С таким же успехом они карабкаются по скалам, проникают в глубокие, труднодоступные пещеры. Обычно молодые рыси, лазая по деревьям, разоряют птичьи гнезда, пожирая при этом птенцов или яйца.

В двух-трех километрах от Красных Колодцев, по направлению к развалинам древнего города Караагача, на фоне лесистого плоскогорья возвышается великолепный замок царицы Тамары, построенный еще в V—VI веках нашей эры. Замок возведен на самой вершине неприступной скалы, издали напоминающей усеченную пирамиду. Мрачные стены этого замка с окнами-бойницами, полуразрушенные башни, подземные ходы, подвалы, лабиринты создают гнетущее впечатление, особенно с наступлением темноты. Но вместе с тем это уникальное создание человека и природы уводит созерцателя в мир далекого прошлого, заставляет размышлять о жизни древних обитателей.

Окрестности замка, поросшие густым лесом, изрыты оврагами и увенчаны множеством пещеристых скал, от которых веет сыростью и прохладой. Вполне понятно, что подобные места не могут страдать недостатком зверей, так как там есть все необходимое, для того чтобы звери могли жить, питаться и размножаться.

Красноколодцы обычно очень любили, как там выражаются, «поохотиться под Тамарой». Ходили на разную дичь, но главным образом на зайцев и фазанов, которых водилось там неисчислимо множество.

Однажды некий любитель направился к замку поохотиться на зайцев. Стояла ранняя осень, листва еще держалась на деревьях, доживая считанные дни. Солнце уже ушло к закату, и расплывчатые тени окрестных скал скользили по верхушкам деревьев, затемняя золотистые краски природы, благоухающей осенней свежестью.

Охотник остановился на пригорке и отпустил свою собаку, которую очень ценил за усердную и неутомимую помощь в охоте. Собака была действительно прекрасная, но страдала, пожалуй, единственным недостатком — следствие того же усердия. Бывало, поднимет в лесу зайца и помчится за ним по пятам, нагоняя его своим преследованием и визгливым лаем прямо на охотника. Но вдруг попадется заяц, как говорится, бывалый и начнет петлять следами, все дальше и дальше удаля-

ясь от охотника. Собака, не понимая бессмысленности преследования, прямо-таки выбивалась из сил. А потом, когда уже терялся заячий след, голос ее ослабевал, и она, измученная, исхлестанная ветками, приходила и ложилась у ног хозяина.

Но на сей раз так не случилось. Как только начало темнеть, охотник вдруг услышал знакомый лай, причем невдалеке, метрах в пятидесяти от себя. Лай то усиливался, то ослабевал. Охотник насторожился, взвел курки и замер в ожидании приближения зайца. Прошло минуты три, но заяц не появлялся. Собака почему-то лаяла на одном месте. Странно, подумал он, вертится на одном месте, будто бы наткнулась на привязанного зайца. Прошло еще две-три минуты. И вдруг собака переменяла голос и начала лаять с жалобным завыванием, но опять на том же месте.

Охотник решил приблизиться к тому месту и выяснить, что там происходит... Пробравшись сквозь густые заросли кизила, он наткнулся на огромный камень, торчащий между двумя деревьями. Далее за камнем следовал небольшой обрыв с осыпающейся жирной темно-коричневой почвой. В глубине обрыва росло несколько крупных деревьев, как раз оттуда и доносился собачий лай. Чтобы не испугать собаку и тем более зверя, охотник решил забраться на камень и внимательно осмотреть сверху этот подозрительный участок. Забрался, стало хорошо видно верхушки деревьев, кое-где сквозь чащу проглядывала земля. Однако собаки совершенно не было видно. Она лаяла буквально в двадцати метрах, но густой подлесок скрывал ее от глаз охотника. Охотник, никого не увидев на земле, подумал: может быть, на дереве сидит фазан и дразнит разгорячившегося пса. С этой мыслью он начал присматриваться к верхушкам деревьев. И вдруг на высоком дереве вместо фазана он заметил рысь. Сквозь ветви было хорошо заметно, как она сидела, крепко вцепившись в сучья, и смотрела вниз.

Не теряя времени, охотник начал готовиться к выстрелу. Прицелиться как следует было трудно, так как хищницу заслоняли ветки. Да и на камне стоять было не так уж удобно, того и гляди поскользнешься и грохнешься вниз... Но все же он кое-как прицелился и выстрелил. Абсолютнейший промах!.. Когда рассеялся дым, он увидел, что рысь сидела, как и прежде, но только

видно ее стало гораздо лучше, так как дробь прорубила к ней окно сквозь мелкие ветки. Собака после выстрела залаяла громче прежнего, прямо-таки стала захлебываться. Охотник быстро перезарядил патрон и тут же выстрелил вторично. Попал!.. Рысь запищала кошачьим голосом и упала на землю.

Охотник спрыгнул с камня и поспешил к тому месту, где упала рысь. И в этот момент послышался душераздирающий визг и вой, непонятно, чей громче: собачий или рысий... Он прибавил шагу, охваченный волнением. Минута-другая, и охотник очутился около рокового места. И тут он увидел печальную картину: на земле лежал несчастный пес, испуская последнее дыхание. На его шее, с правой стороны, чернела глубокая рваная рана, нанесенная рысью. Охотник чуть не в слезах склонился над собакой и хотел приподнять ее, но было уже поздно. Он встал, оглянулся вокруг — хищницы и след простыл.

Шагая домой, охотник размышлял и все никак не мог понять, ранил он рысь или, может быть, срубил только ветку, на которой она сидела. Но как бы там ни было — собаки не вернуть...

Если вспомнить теперь пантешарских собак, которые не слишком по-рыцарски вели себя по отношению к рысям, то можно отнести к ним более снисходительно. Да, рыси сильнее собак, несмотря даже на то, что последние зачастую в два раза превосходят рысей по размерам. Из числа охотничьих собак на рысь идут только хорошо обученные этому делу и исключительно ловкие. Неопытной собаке нужно сторониться рыси. И вот почему. Собака по следу быстро догоняет рысь; в удобном случае молодые рыси прячутся от собаки, залезая на дерево, а старые стараются уйти в пещеру, в чью-нибудь нору или в любое другое малодоступное место. Но в критический момент, когда собака настигает рысь на открытом месте, хищница вступает в поединок. Иногда она ловким движением разрывает собаке шею, а чаще всего поступает так: почуяв приближение собаки, рысь ложится на спину, обнажает зубы и выпускает когти. Как только собака насыдет на нее сверху, рысь мощным взмахом задней лапы в одно мгновение вспарывает собаке брюхо. На этом поединок заканчивается. Победительница встряхивается и спокойно

уходит прочь. Так поступает раненая рысь и с человеком, если по неопытности он сгоряча приблизится к ней.

А теперь вернемся к пострадавшему охотнику. Прошел год, все забылось. Охотник снова завел себе щенка и начал обучать его охотничьему ремеслу. С наступлением осени щенок заметно подрос.

К северо-западу от замка Тамары, где лесистое плоскогорье переходит в заросшую кустарником местность, кое-где встречаются небольшие углубления, кучи камней, пни давно погибших деревьев. И вот под вечер охотник отправился сюда со своей собакой, чтобы потренировать ее и выявить способности. Дойдя до кустарника, он спустил собаку с ремня, и она понеслась по кустам, виляя хвостом и подпрыгивая, как игривый козленок. Охотник едва успевал следовать за ней. Испуганные птицы с разноголосым чириканьем разлетались в разные стороны. И на фоне этой неподражаемой симфонии раздавался монотонный, глухой бас охотника: «Вперед, назад, ищи, ищи...».

Через часа полтора собачонка с непривычки уже устала. Охотник подозвал ее к себе, посадил на ремень и направился в гору, чтобы засветло миновать лес. Путь был недолгий, не более двух километров, но крутой подъем удлинял его втрое. Как ни спешил охотник — расстояние сокращалось медленно. Уже начало темнеть, когда он поравнялся с замком, на вершине которого собирались голуби, готовясь к ночлегу. Чтобы сократить путь, охотник прибавил шагу и направился по нижней дороге, которая вилась по каменистому грунту, огибая целый ряд огромных пещеристых скал, на вершинах которых виднелись развалины древних каменных стен. Крайнюю из этих скал в народе называют Малой Тамарой. С другой стороны узкую дорогу стеснял густой лес. Деревья спускали свои ветви почти до земли, преграждая путникам дорогу.

Охотник приблизился к последней скале, от которой дорога поворачивала направо и выводила на небольшую поляну, местами поросшую колючим кустарником. Неподалеку от поворота чуть ли не над головой свисала огромная глыба, почти скрытая кроной деревьев.

Как только охотник поравнялся с этой глыбой, собачонка вдруг заметалась на месте, завизжала, а потом залаяла, повернув морду к скале... Охотник в одно мгно-

ение изготовил ружье и внимательно осмотрел и свисающую глыбу, и всю скалу — ничего подозрительного он не заметил. Однако собачонка не прекращала волноваться, залаяла еще сильнее. Охотник снова начал всматриваться, и снова ни шороха, ни звука. Странно. Тогда он нагнулся, поднял с земли небольшой камень и хотел было запустить его в подозрительное место. Но едва размахнулся, как вдруг листва над глыбой всколыхнулась и из-за нее показалась рысь морда. Она сидела метрах в пятнадцати от него. Охотник мгновенно бросил камень в сторону и прицелился в хищницу. Как только он спустил курок, рысь оттолкнулась от камня и сделала сильнейший прыжок вниз. Раздался выстрел, и охотник машинально отскочил в сторону. Рысь завизжала на лету и шлепнулась на землю прямо подле его ног. Он попятился, прижался прямо к скале. Рысь завертелась на месте, как волчок, издавая жалобный визг, царапая передними лапами камни, стараясь приблизиться к охотнику. Но движения ее были медленными и обессиленными. Оказалось, что выстрел смертельно сразил ее на лету.

Наступила полная темнота. Охотнику не хотелось оставлять рысь в лесу, но и тащить ее с собой в гору, да еще окровавленную, было не очень приятно. Он разжег костер и при свете яркого пламени снял с нее шкуру.

На следующее утро, прежде чем вывесить шкуру сушить, охотник внимательно осмотрел ее. И, помимо свежей раны, обнаружил старую, давно зажившую ранку в корне уха. Было похоже, что ружейная дробишка пробила кожу под самым ухом, но не задела черепа. Охотник невольно вспомнил прошлогоднюю историю. Возможно, это была та самая рысь, которая загрызла его собаку и теперь поплатилась за нее жизнью?

Анализируя этот случай, конечно, нельзя утверждать, что рыси нападают на человека беспричинно, чуть ли не вступая с ним в поединок. Случай этот единичный, и произошел он в исключительно напряженных обстоятельствах, причем вполне возможно, что хищница прыгнула не на охотника, а на собаку. Если бы рысь действительно стремилась к нападению на людей, то благодаря своей ловкости и осторожности она скорее всего нападала бы на человека исподтишка. К примеру, она могла бы подстеречь человека, ночующего в лесу или в

горах, а также в ночное время незаметным образом пробраться к людскому стану.

Кавказская рысь обязательно приближается к людскому стану, расположенному в глухих местах. Обычно она приходит по ночам, когда люди спят. Однако при этом она не подходит близко.

Сибирская же рысь более активна в этом отношении. Совсем недавно я услышал рассказ московского геодезиста В. В. Дручинина, побывавшего в экспедиции в сибирских лесах. В 1960 году, весной, рассказывал Дручинин, небольшой группой они расположились в глухом таежном лесу в верховьях реки Парбир. На небольшой полянке разбили палатку.

Однажды ночью, когда все спали, Дручинин спросонья услышал подозрительный шорох. Шорох разбудил его, он приподнял голову, прислушался повнимательнее: казалось, что какой-то зверь скребет палатку когтями и осторожно грызет ее зубами, причем у самого его изголовья. Пока он нащупывал ружье, зверь прогрыз в палатке дырку и просунул морду внутрь. Яркий блеск глаз, замелькавший на фоне тусклого ночного света, просочившегося в палатку сквозь отверстие, испугал Дручинина, он даже вскрикнул. Зверь мгновенно скрылся. Проснулись товарищи, выбежали наружу.

Оглядевшись вокруг, они увидели метрах в двадцати от палатки светящиеся огоньки. Дручинин выстрелил, но промахнулся: зверь метнулся в сторону, но не убежал. Дручинин выстрелил еще раз — зверь снова метнулся и снова остался невредимым. Раздался третий выстрел... четвертый, и только тогда послышался жалобный визг. Заряд угодил в цель. Когда подошли к убитому зверю с фонарем, увидели, что это была рысь.

Этот случай также не свидетельствует о том, что человеку следует опасаться рысей. Ведь совершенно не ясно, зачем рысь пришла к палатке. О явных, активных нападениях рысей на человека, причем без всякой причины, мне слышать не приходилось.

Многие люди склонны считать рысь хищным, кровожадным животным. Это правильно, но справедливости ради следует рассказать и о других качествах этого зверя. Рысь обладает замечательной чертой, на которую очень немногие обращают внимание. Лютая, кровожадная хищница в определенных условиях приручается

и становится милым животным. Чтобы представить себе подобное явление наиболее ярко, я снова обращаюсь к примеру.

В начале нашего века в Царских Колодцах квартировал Тверской драгунский полк. Времена тогда были спокойные. Никто не тревожил южные границы Российской империи: ни турки, ни персы. Поэтому драгуны жили мирной, спокойной жизнью. Они вели типично крестьянский образ жизни: распахивали земли, сажали огороды, разводили сады, скот. Были у драгунов лошади — истинные красавцы, которых нельзя было назвать иначе, как гордость полка. Стройные, высокие, буланые и вороные с белоснежными подпалинами на конечностях. Особенно запомнились эти лошади красноколдцким старожилам, когда в расшитых уздечках участвовали они в парадных шествиях. Шли они стройными рядами, гордо и величаво.

Стоит сказать, что этих лошадей разводили в Царских Колодцах сами драгуны. Неподалеку от замка Тамары в лесу под небольшим холмом располагался конный завод Тверского полка.

Кроме того, драгуны начали увлекаться приручением диких зверей. Короче говоря, они устроили настоящий зверинец. Там находились и лисы, и шакалы, и барсуки. Их кормили, строили им жилища и охотно развлекались с ними в свободное время. Один прирученный барсук даже выкопал себе нору прямо на территории конного завода. Так и жил среди людей, но зато в своем доме.

И вот однажды драгун спустился к кособоку за щавелем для щей. Ползая между кустами чуть ли не на коленях, он приблизился к небольшому овражку. Стояла тишина, и только сочные листья щавеля похрустывали у него под пальцами. Но вот со стороны послышался какой-то жалобный писк... Драгун насторожился, прислушался и остановил свой взгляд на небольшом камне, выступавшем над обрывом с другой стороны оврага. Писк доносился именно оттуда. Приблизившись к камню, драгун увидел небольшой подкоп у его основания. И там лежала рысь, как ему показалось, мертвая, а подле нее три рысенка. Он дрожащей рукой пошевелил ее, она была жива. Глаза ее были закрыты, тело было чуть-чуть теплое, и только слабое дыхание свиде-

тельствовало о признаках жизни. Рысятам было не более трех-четырёх дней от роду. Слепые и беспомощные, они пищали, дрожали и совали свои мордочки к соскам матери. Почувствовав приближение человека, они запищали еще громче и поползли к его ногам, едва поднимая кверху свои обессиленные головки. Драгун забыл о своем щавеле, собрал рысят в мешок, взял их мать под мышку и понес.

Дойдя до места, он показал свою находку ветеринару. Тот внимательно осмотрел рысь и обнаружил сильнейший эндометрит — следствие неудачных родов. Воспалительный процесс развивался; ветеринар немедленно взялся за лечение. Лечил усердно, прилагая все старания. И что ж, после двухдневных процедур рысь открыла глаза, но у нее еще не хватало сил, чтобы пошевелиться.

С рысятами было проще. Их начали поить парным кобылым молоком, заливая в рот прямо из ложечки. Они оставались весьма довольными, фыркали и облизывались. Однако на третий день один рысенок погиб, осталось только два.

Всем на удивление, на четвертый день рысь начала поднимать голову, съела два куска мяса. У нее снова появилось молоко, она стала кормить детенышей. Рысь старалась приласкать их, как могла. Рысята были с ней до вечера. Когда их попытались забрать, чтобы прикормить еще, мать взволновалась, зарычала, но потом смирилась.

Через неделю рысь встала на передние ноги, задние еще были поражены болезнью. Она теперь ела все: и мясо, и молоко, и хлеб, но только не в присутствии людей.

Рысь пошла на поправку. Но при этом обстановка усложнилась. Ведь сначала больную держали под навесом, защищенным с трех сторон, а рысят в бараке, под печкой на куске старой попоны. А теперь, когда она стала на ноги, приносить к ней малюток стало труднее. Когда их приносили, она встречала и их и людей довольно ласково, но когда пытались забрать, то ужасно сопротивлялась. Приходилось набрасывать на нее старую шинель и только тогда забирать рысят.

И вот спустя дней десять случилось нечто неожиданное. С вечера драгуны уложили рысят и улеглись спать.

Вдруг после полуночи кто-то из драгунов услышал, что рысята громко запищали. Он невольно проснулся и разбудил других. Проснулись остальные, приподнялись, прислушались: рысята в этот момент успокоились. Но тут послышалось прямо-таки кошачье мурлыканье. В чем же дело? Зажгли осторожно свечу, осветили. И при тусклом свете увидели: рысь, проникшая через открытое окно, удобно расположилась под печкой вместе со своими детенышами. Когда появился свет, глаза ее блеснули и она начала рычать, подгребая под себя рысят. Драгуны оторопели: и любопытно, и боязно. Как же быть? Пошептались и решили не мешать ей. Неужели, думали они, она окажется столь неблагодарной и передушит их ночью?! Нет, они в это не верили. Потушили свет и снова улеглись.

Наступило утро, драгуны проснулись: ни рыси, ни котят под печкой не оказалось... Вышли во двор, пошли к навесу — рысь оказалась там вместе с рысятами. Когда они приблизились, она снова приняла угрожающую позу, но не так дерзко. Рысята чувствовали себя при ней превосходно. Теперь не было никакой нужды забирать их у нее.

К обеду рысь начала волноваться, мурлыкать, выходить из-под навеса, обнюхивать все предметы... Люди решили, что наконец она вполне пришла в себя и стала искать пропавшего рысенка, ведь не забыла и про него! К вечеру она успокоилась и занялась малютками, не отходя от них ни на шаг.

На другой день к вечеру она вдруг ухватила одного рысенка за шею и потащила к частоколу, которым был обнесен конный завод. Второй рысенок начал сильно пищать. Писк волновал ее, ибо она постоянно оглядывалась назад. Потом, повертевшись у частокола, она возвратилась на место. Спустя некоторое время она схватила другого рысенка и потащила туда же. И на сей раз жалобный писк оставшегося в одиночестве малыша заставил ее возвратиться на место.

Прошел месяц. Рысь смирилась с обстановкой и жила преспокойно, воспитывая детенышей.

Рысята подросли, стали выбегать на солнышко. Теперь мать временами покидала их. Сперва она блуждала по территории, изучая ее, а потом начала перепрыгивать через частокол и уходить в лес. Когда она

уходила, драгуны, пользуясь моментом, забавлялись с котятами. Котята же совершенно не боялись их, шли охотно на руки и очень мило ласкались.

Мать по возвращении обнюхивала их и небрежно фыркала. Видно, ей не очень нравилось, что кто-то ласкал ее детенышей. Но со временем она смирилась и с этим. Возвращаясь из леса, она никогда ничего не приносила рысятам. Может быть, ей не удавалось поймать в лесу добычу, а может быть, она не стремилась к этому, так как еды хватало на месте.

Месяцам к двум рысята уже совершенно преобразились и стали похожи на настоящих рысей. Целыми днями они играли друг с другом. Мать не упускала удобного случая позабавиться с ними.

Однажды люди заметили, как рысь притащила рысятам «подарок» — черепаху. С каким восторгом встретили они ее! Игра с черепахой стала основным занятием рысят. Обычно они катали черепаху по земле. Но временами останавливались и ждали. Вот она начинала высовывать из панциря свои лапки. В этот момент они хватали одновременно зубами ее за передние лапки и тащили в разные стороны. Черепашины лапы очень сильные, и она убирала их обратно в панцирь, несмотря на все усилия рысят удержать их. Как только лапки прятались, рысята снова продолжали катать черепаху. Так они месяца два забавлялись черепахой. Никто не замечал: ела ли она что-нибудь, пила ли, но тем не менее все это время была жива-здорова. Потом она надоела рысятам, и они оставили ее в покое.

Прошло полгода. Старая рысь сторонилась людей, но относилась к ним весьма дружелюбно. Она уходила на несколько дней, а потом возвращалась снова, иногда не отлучалась целыми неделями. Рысята стали совершенно домашними. Они очень привязались к людям, прямо-таки ходили по пятам. Никакой дерзости даже и не пытались проявлять. Если вдруг люди оставляли их одних, то при встрече рыси испытывали безмерную радость, мурлыкали, катались на земле у ног своих благодетелей.

На первый взгляд кажется странным: как это так, представители кровожадного хищного семейства, попав в окружение человека, стали вдруг такими ласковыми. Пусть это вас удивляет, но хищники, как никакие дру-

гие. представители звериного рода, обладают замечательной способностью быть благодарными и преданными человеку. Кто другой, как не собака — родственница волков и шакалов, умрет у ног человека, никогда не оставит его в беде и никогда не предаст его. Кто другой, как не кошка — родная сестра рыси, горит вместе с пылающим домом, но не покинет его, если люди жалели ее и ласкали.

Итак, наступила весна — пора гона. Старая рысь ушла и больше не возвратилась. Молодые же оказались самцом и самкой. Самец вскоре тоже исчез и не появлялся полмесяца. Потом возвратился, но стал немного дичее. Теперь он уже часто стал покидать родное гнездо и уходить в лес. В конце концов однажды он ушел навсегда.

Когда наступила пора гона у самки, она также сбежала в лес, однако вскоре возвратилась обратно. После первого гона она не принесла потомства. Трудно сказать, чем это было вызвано: неволей или другими обстоятельствами. После второго гона она уже принесла рысят.

Самка долго жила среди людей. Рысят забирали люди, приезжавшие из города. Что потом было с ними — не известно.

Рассказывают, будто бы звери из семейства кошачьих: рысь, барс, дикая кошка и другие — легко приручаются, попадая в окружение человека сразу после рождения. Но в свободных условиях содержания звери не всегда остаются до старости с человеком. Чаще остаются самки. Самцы же, когда взрослеют, почти всегда уходят. Даже домашние коты, если они доживают до 10—15 лет, также иногда дичают и уходят на свободу.

Заканчивая рассказ о рысях, хочется еще раз отметить, что их кровожадность не является основной чертой характера. Это свойство, выработанное в процессе борьбы за существование. Ведь при общении с человеком, когда отпадает нужда бороться с голодом, это свойство угасает, и лютой хищник приобретает способность питаться другого рода пищей и живет в мире с человеком.

Но что еще более важно, рысь мы привыкли считать вреднейшим хищником, на самом же деле зверь этот приносит природе гораздо больше пользы, нежели вре-

да. Ведь рысь — это всего лишь большая кошка, а кошки являются основными противниками мышевидных грызунов. Последние в рационе рысей занимают наибольший удельный вес. В южных краях эти хищники регулируют численность змей и пресмыкающихся, а в горных условиях, да и в равнинных лесах рыси играют основную роль в регулировании численности пернатых хищников. Так что полезной функцией большой кошки нельзя пренебрегать, кошка эта заслуживает внимания и охраны.

ДЖЕЙРАНЫ

Джейраны — представители многочисленной группы антилоп. В узком смысле слова под антилопами мы привыкли подразумевать безобидных, стройных животных, обитающих большими стадами в Африке и спасающихся бегством от преследования хищников. На самом же деле антилопы представляют собой множество родственных разновидностей семейства полорогих животных, относящихся к отряду парнокопытных. Только по форме рогов антилопы представлены десятками подвидов. Рога у них бывают прямые, лирообразные, вилообразные и другие...

По форме и по размерам антилопы также довольно различны. В настоящее время на Земле сохранилось восемь наиболее распространенных видов антилоп: канна, бейза, гну, нильгау, серна, сайгак, джейран и дзерен. В зависимости от места обитания некоторые из них приобрели определенные особенности, благодаря которым зоологи выделили их в отдельные подсемейства.

Канна — довольно крупное животное с длинными, закрученными в нижней части рогами. Под горлом у нее висит зоб, похожий на мешок.

Бейза гораздо стройнее канны, рога у нее прямее и тоньше, хвост длиннее и пушистее.

Гну, можно сказать, самое причудливое животное из всех антилоп. Оно довольно крупное, осанка типично лошадиная, имеется косматая грива. Хвост мохнатый, свисающий почти до земли. У гну тяжелая бычья голова с большими губами и мощными, закрученными, как у африканских буйволов, рогами. Шерсть короткая, только на груди и под горлом длинная.

Нильгау — животное также весьма своеобразное. Оно короткохвостое, с горбом на холке, легкой головой, украшенной вилообразными рогами. Грудь приподнята и мощно развита. Круп же развит слабее и опущен по отношению к холке.

Перечисленные животные распространены в Африке и в Индии, у нас они не встречаются.

Пятый представитель антилоповых — это сайгак (или сайга), который хорошо нам знаком, так как распространен в Средней Азии и в Закавказье. С виду сайгак напоминает дикого козла, однако форма его тела очень некрасивая, даже безобразная. Особенно уродлива голова: тяжелая, горбоносая. Рога небольшие, лирообразные. Ноги грубые, хвост очень короткий.

Серна также очень напоминает дикого козла, только у нее нет бороды. Несмотря на изящное телосложение, животное очень сильное и выносливое.

Джейраны и дзерены по внешнему виду мало различаются между собой и по росту почти одинаковые. У дзерена короче хвост и уши и он чуть крупнее джейрана. Но джейраны тоньше и изящнее.

Если говорить об обитателях русского леса, то по красоте с джейраном можно сравнить только лань. В глубокой древности не различали дзеренов и джейранов. Например, слово «дзерен» — монгольское. Им монголы называли южного сайгака. Того же самого животного в Средней Азии называли джейраном. Киргизы называют джейранов по-своему: кара-куйрюк, что обозначает по-русски «чернохвостик». И, наконец, арабы этих животных называли газелями...

С течением времени, а главным образом с проникновением европейских ученых в Закавказье и Среднюю Азию, были накоплены более детальные сведения и обнаружены существенные биологические различия между газелями, благодаря чему джейран и дзерен стали рассматриваться как отдельные виды газелей.

Большие заслуги в этом отношении принадлежат талантливому русскому естествоиспытателю академику Петеру-Симону Палласу, который первым выделил этих животных в обособленные виды и дал им довольно подробное научное описание.

В настоящее время ученые обнаружили, что наряду с джейраном и дзереном существуют и некоторые дру-

гие разновидности газелей, главным образом в Африке.

Родиной газелей можно считать Переднюю Азию. Время их появления биологи относят к эпохе верхнего миоцена. Гораздо позже, уже в конце плиоцена, газели появились и в Африке. Однако африканские газели в процессе эволюции претерпели гораздо больше изменений, нежели азиатские, поэтому они представлены несколькими очень приближенными друг к другу видами. Газели различаются между собой по весьма субъективным признакам, в основном морфологическим: по окраске, строению рогов и по некоторым несущественным особенностям в образе жизни.

В Африке обитает газель Гранта, в Восточной Африке встречается газель Томсона, отличающаяся широкими черными полосами на боках и пушистым хвостиком. Они живут большими смешанными стадами, как и джейраны. Состав стада непостоянен: животные то разбиваются на группы, то снова объединяются в стада. Отдельные стада держатся на определенном участке пастбища, стараясь не допускать к себе чужих.

Водятся в Африке и другие малоизвестные виды газелей: газель-дама, сомалийская газель, песчаная газель, газель Спика, газель Пельцельна, краснолобая газель, суданская газель, газель доркас и другие.

У нас встречаются только джейраны и дзерены. По словам нашего современного натуралиста Г. П. Дементьева, в сороковых годах большое количество джейранов обитало в Среднеазиатских республиках. На северо-востоке на территории Киргизии джейраны живут небольшими стадами у озера Иссык-Куль. Встречаются джейраны в пустынных степях Казахстана, особенно в долинах рек Сырдарьи и Амударьи, а также в Закавказье.

Джейран — степное животное, предпочитающее низменные теплые места. Поэтому основными зонами их обитания в условиях Закавказья являются Азербайджан и Грузия. До начала нашего века здесь насчитывались десятки тысяч джейранов. В Азербайджане, особенно в Ширванской степи, можно было встретить стада до 200 голов и более. Стада по 60—80 голов занимали долины рек Куры и Аракса, а также Муганскую степь.

На территории Грузии джейраны обитали в Ширак-

ской степи и Алазанской долине. Встречались они и в других местах, но в меньшем количестве.

Как описывает известный натуралист середины прошлого века Г. Радде, в те времена степи Восточной Грузии (Кахетии) и Азербайджана были заполнены джейранами. Животные водились большими стадами даже в местах, стесненных лесами и кустарниковыми зарослями. По долине реки Куры, где местность большей частью лесистая, джейраны доходили до Тбилиси. Их можно было встретить даже в Авчалах, на северо-западе города. Дальше они не могли распространяться, так как там начинаются высокие лесистые горы.

Теперь в Восточной Грузии джейранов осталось совсем мало. Они встречаются небольшими группами, по пять-шесть голов, и даже поодиночке. Обстоятельства заставили этих животных расстаться со степями и научили укрываться в холмистых и лесистых местах.

Резкое сокращение числа этих животных связано с развитием земледелия и скотоводства в тех местах. Степи, где они раньше обитали, теперь распаханы или превращены в пастбища. Так что джейранам поневоле пришлось уступить цивилизации. Особенно много джейранов было истреблено в результате неограниченной охоты на этих животных.

* *
*

Каков же он из себя, кавказский джейран? Трудно выразить в нескольких словах всю красоту этого животного, но, откровенно говоря, оно заслуживает всех превосходных степеней, которыми мы привыкли выражать свои чувства восхищения... Нежный, изящный, благородный, грациозный и в то же время сильный и ловкий — вот каков джейран.

К великому сожалению, любуясь джейраном в зоопарке, мы не можем по-настоящему представить себе всей прелести этого животного, ибо в неволе она угасает.

Только один раз в жизни мне довелось увидеть джейранов в полной их красоте среди дикой природы, причем с близкого расстояния. И я попытаюсь передать то впечатление, которое испытал тогда, любуясь прекрасным зрелищем.

В начале лета, кажется, в 1952 году, в Красные Колдцы прибыла ленинградская сейсмологическая экспедиция. Сейсмологи должны были изучить изменения рельефа, а может быть, недра нагорной местности, расположенной в районе сближения Алазани и Иоры, короче говоря, окрестности Эльдарь и Панташар.

Для обеспечения этой экспедиции продовольствием, водой и всем необходимым был прикомандирован мой отец. Вскоре наступили школьные каникулы, и, воспользовавшись удобным моментом, вместе с отцом увязался и я.

Сейсмологи расположились лагерем в палатках километрах в двадцати от небольшого поселка Эльдарь, состоящего буквально из нескольких домов. Палатки были разбиты у подножия крутого холма. Со всех сторон темнели непролазные дебри кустарниковых зарослей, изрытые глубокими балками и оврагами. Вниз от палаток тянулось неглубокое ущелье, устланное сплошным булыжником, служившее дорогой. Ущелье выводило к небольшой ложине, где находился родник, окруженный большими деревьями. От родника на север рос лес.

Как-то раз приехали мы с отцом в лагерь поздно вечером. Переночевали. С наступлением утра сейсмологи ушли в горы, на свои объекты, мы пошли поить лошадей. Напоили. Отец повел их обратно, а я остался: мне захотелось осмотреть окрестности родника — единственного источника влаги в этой местности. Осмотрев все вокруг, я решил углубиться в заросли. Облюбовал одну живописную тропинку и пошел по ней. По пути встречались небольшие балочки, в которых торчали саксагачи. Потом впереди появился небольшой холмик. Тропинка не обходила его, а вела прямо к вершине. Когда я взобрался на холмик, моим глазам предстала живописная впадина, поросшая зеленой травой и окруженная со всех сторон густым лесом. Я высунулся из зарослей и вдруг слева на косогоре увидел стадо джейранов, причем совсем близко, буквально метрах в десяти от меня. Я замер и затаил дыхание, боялся даже пошевеливаться, чтобы не испугать их. Их было шесть. Они стояли очень спокойно, освещенные восходящим солнцем, и только легкие тени деревьев падали на них с двух сторон.

Впереди стоял самец, за ним — две самки. А далее,

на пригорке — три джейраненка. Они были совершенно одинаковыми и по росту, и по окраске. Мое внимание привлекло поведение самца, скорее всего потому, что он был ближе всех ко мне. Быстрыми, энергичными движениями челюстей он жевал жвачку.

Легкие длинные черные рога с изогнутыми концами, напоминающие лиру, с исключительной тонкостью украшали его изящную голову. Я отчетливо видел кольцевидные узоры на его рогах, которые у основания были выражены очень ярко, а к концам переходили в слегка ребристую поверхность. Уши, расставленные почти по ширине рогов, торчали вверх и только изредка подергивались. Хорошо видны были большие, черные, слегка выпуклые глаза. По всей спине и бокам лоснилась короткая рыжевато-бурая шерсть, имевшая даже зеленоватый оттенок. Нижняя часть туловища, особенно брюхо, светилась яркой белизной. Лобная и носовая части головы были светлые, почти седые. Только от лба к носу тянулась бурая полоска. Вокруг носового зеркала виднелось темное кольцо. Едва заметные пятна были и под глазами. Высокие, стройные, изящные ноги вверху были темнее туловища, а внизу, у копыт — совершенно черные.

Самки имели почти такую же окраску. Только у той, которая стояла ко мне поближе, я заметил желтоватую полосу вдоль всего туловища, сантиметров на десять ниже позвоночника. Самки были мельче самца.

Джейранят я видел только спереди. Ноги их были скрыты телами матерей, и только белые пятна на груди, слегка захватывающие плечевые суставы, ярко вырисовывались на фоне более темной окраски туловища.

Не знаю, сколько бы еще простояли на месте джейраны, но мне неудержимо захотелось увидеть их в движении. Быстрыми шагами я пошел прямо к ним. Самец первый поднял тревогу. Он резко вздернул голову кверху, повернулся ко мне и на мгновение застыл. А самки, как сговорившись, оттолкнулись от земли и сделали несколько небольших прыжков в сторону. Джейранята последовали за ними чуть не по пятам. Самки резко приостановились, оглянулись, а потом стремглав помчались прямо в гору. И только тогда за ними последовал самец. Буквально через считанные секунды они исчезли в зарослях...

Небольшие стада джейранов, изредка встречающиеся в Закавказье, не дают возможности судить об образе жизни этих редких животных. Вытесненные из Эльдарской степи в холмистые дебри, они уже не могли полностью сохранить инстинкт стадности. Эта горстка беззащитных животных вынуждена приобретать новые свойства, новые привычки, которые помогают им скрываться в зарослях от хищных зверей и охотников.

А настоящий образ жизни джейранов совершенно иной. Они любят свободу, степные просторы, солнце и тепло.

* *
*

Джейраны относятся к числу некрупных животных. Вес взрослого самца достигает 25—27 килограммов. Самки весят 18—20 килограммов. Длина тела у самцов колеблется в пределах 100—120 сантиметров, а высота в плечах — 70—75 сантиметров.

Питаются джейраны исключительно травянистой растительностью. Благодаря наличию четырехкамерного желудка они совершенно неприхотливы к корму: с удовольствием поедают любые малоценные травы. По словам академика Палласа, джейраны съедают горькие и соленые травы, которыми культурные жвачные животные не могли бы питаться.

Воды они употребляют мало. Хотя нет точных сведений о том, сколько дней джейран может жить без воды, однако, по наблюдениям, можно предположить — не менее недели.

Живут джейраны мало, всего лишь 10—15 лет. Основной причиной смерти является скорее всего преждевременное стирание и выпадение зубов. Во время пастьбы в ротовую полость вместе с травой попадает и мелкий песок, который и ускоряет износ зубов. Естественно, что с плохими зубами животное утрачивает способность нормально питаться, ослабевает и гибнет.

Органы чувств у джейранов развиты превосходно. Зрение исключительно острое, и они на далеком расстоянии замечают подозрительные предметы. Однако, почувствовав опасность, они не устраивают переполоха, а весьма разумно и осторожно реагируют на нее. Слух у джейранов также очень тонкий. Что касается обоня-

ния, то оно в некоторой степени уступает зрению и слуху. По запаху джейраны определяют присутствие человека или хищника только на близком расстоянии. Так что основными средствами самозащиты у них являются слух, зрение и крепкие ноги.

Есть одна интересная особенность у джейранов, которая указывает на исключительную разумность и благородность этих животных и которой, пожалуй, не обладают никакие другие животные. Там, где встречается много джейранов, они обычно держатся стадами по соседству друг с другом. В каждом стаде имеются дозорные, так же как и в стаях крупных птиц: дроф, журавлей... Дозорные немедленно оповещают о появлении опасности всех других членов стада, и они немедленно настораживаются, в случае необходимости пускаются в бегство.

Размножаются джейраны подобно козам. И новорожденные детеныши напоминают козлят. Молодые самки приносят обычно по одному детенышу, а рождающие уже третий-четвертый раз — по два, а иногда и по три. Роды происходят обычно в мае. Самки отбиваются от стада, забираются в густые заросли бурьяна или кустарника и там устраивают себе гнездо. Спустя два-три часа после того, как мать оближет джейранят, они пытаются встать на ноги и начинают сосать.

Первое время мать ни на минуту не оставляет детенышей. Травы весной хватает, и она пасется около своего гнезда, не спуская с них глаз. Однако завидев опасность, мать уходит в сторону, чтобы отвлечь внимание противника. Когда опасность минует, она снова возвращается к детям. Благодаря окраске джейранят очень трудно заметить в густой траве, да и на голом месте в условиях степи не на много легче.

Через три-четыре дня после рождения, когда джейранята окрепнут, они начинают играть: скачут, подпрыгивают, но далеко от гнезда не отходят. В это время мать уже покидает их на целый день, а приходит только несколько раз покормить молоком. Спустя неделю — полторы семья уходит в стадо. Джейранята недельного возраста способны бегать почти как взрослые, но только быстрее устают. К месячному возрасту они полностью набираются сил и живут в стаде на правах полноценных членов.

В отношениях друг с другом есть у джейранов замечательная особенность. Взрослые самцы никогда не угнетают молодых, а, напротив, относятся к ним очень снисходительно. Зачастую уступают им лучший участок пастбища, лучшее место для лежания.

Растут джейраны довольно быстро. За три месяца они вырастают в половину взрослого животного. А уже к зиме, к шести-семимесячному возрасту, многие особи почти не уступают в размерах своим родителям. Быстрый рост связан с тем, что детеныши рождаются в очень удачное время года, когда корма в изобилии, кроме того, матери довольно долго, до четырех месяцев, подкармливают их молоком.

Джейраны — очень быстрые животные. Скорость бега у них намного превышает скорость бега лошади. Естественно, что догнать джейрана не под силу никакому хищнику.

* *
*

С юго-востока к Красным Колодцам прилегает обширная Ширакская степь. До начала двадцатых годов нашего века Ширакская степь представляла собой дикую равнину, поросшую густыми, высокими травами. Теперь степь распахана и превращена в богатую житницу хлебов, дающую $\frac{3}{4}$ зерна, производимого во всей Грузии.

Если ехать из Красных Колодцев по направлению к Ширакской степи, то сначала по пути встречается живописное Мирзанское озеро, поросшее с южных берегов густым камышом, а с северных — увенчано зелеными насаждениями, над которыми вдоль всего берега тянется полоска песчаного пляжа. Озеро соленое и богато ценными целебными грязями.

За озером чернеет огромный холм, за этим холмом и начинается Ширакская степь. Она тянется километров на двадцать вдоль по течению реки Алазани. Издали степь напоминает огромнейшую котловину, заполненную сероватой дымкой... С южной стороны степь окаймляют бесконечные цепи холмов, по которым разбросаны нефтяные вышки.

Ширакская степь издавна славилась обилием всевозможных зверей. И самым необыкновенным, удиви-

тельным богатством в этой степи были многочисленные стада джейранов.

Паслись они особенно летом, соблюдая строгие правила. Как только занималась заря, джейраны покидали лежбище и выходили на пастбище. Паслись до наступления жары. А потом, когда солнце начинало сильно припекать, перебирались в укрытия. В степи множество балок, оврагов, поросших высоким кустарником, встречались также огромные одинокие деревья. Под сенью этой растительности джейраны и находили себе укрытия от солнцепека.

Вечером, когда спадала жара, животные снова выходили на пастбища. Однако паслись они теперь недолго, только до наступления сумерек. На ночлег уходили опять к своему стойбищу, которое обязательно располагалось на открытом месте.

Обычно ранней весной, когда молодая трава в степи еще не слишком высокая, а старая примята к земле выпавшим иногда снегом, можно было наблюдать прекрасное зрелище — бег джейранов. Красноколотцкая детвора собиралась на высоком холме, прилегающем к степи, чтобы полюбоваться этим зрелищем. С высоты холма степь напоминала бесконечное море. Весенние облака плыли над нею низко-низко. А вдаль, у самого горизонта, облачное небо сливалось со степной гладью. Казалось, будто нет никакой границы между небом и землей. И вот где-то неподалеку вдруг оживало стадо джейранов. Сначала животные разбредались по степи, делая небольшие, прерывистые прыжки. Но потом, следуя за вожакom, устремлялись в одном направлении. Скорость бега постепенно увеличивалась. Волнообразные движения животных сливались в один общий поток. Услышав шумный топот копыт, настороженный вожак поднимал на ноги где-то вблизи дремавшее соседнее стадо, и оно тоже срывалось с места и стремглав несло вслед за первым. И так друг за другом пускались в бег десятки взбудораженных стад. В это мгновение казалось, будто бы взволновалась сама степь, как море, разливаясь серыми неугасающими волнами. Следом за бегущими стадами поднималась легкая пелена пыли.

Бег продолжался десять — пятнадцать минут. В конце концов вожаки начинали постепенно сбавлять ско-

рость, а потом один за другим останавливали свои стада. Когда животные успокаивались, стада опять медленно разбредались, направляясь на свои участки.

В мае джейраны уже почти не устраивали бега, так как большинство самок ждали потомства.

В некоторых местах, особенно в оврагах, расположенных у подножия холмов, имелись родники, куда джейраны ходили на водопой. Шествие это было исключительно интересным. Животные направлялись к роднику всем стадом. Шли они очень осторожно, часто останавливаясь, прислушиваясь, присматриваясь. При подходе к роднику стадо выстраивалось клином. Впереди, как правило, шел старый вожак с большими рогами. Следом тянулись самцы пониже рангом, а за ними уже рядовые члены стада.

Эти торжественные шествия джейранов на водопой часто кончались для них трагически — именно у водопоя скрывались хищники, а также устраивали засады охотники. Самым опасным врагом джейранов была рысь. Изредка джейранов подстерегали барсуки, шакалы, лисы. Лисы и шакалы нападали только на молодняк.

Нужно сказать, что охотники не часто устраивали засады у водопоя, ведь животные приходили к роднику один раз в несколько дней, и трудно было предугадать точное время их прихода. В Красных Колодцах издавна на джейранов охотились гоном. Трудно сказать, что в большей степени способствовало резкому сокращению поголовья джейранов в наших краях: истребительная охота или распахивание Ширакской степи. Как бы там ни было, но исчезновение этих животных вызывает сожаление.

Красноколотцкие старожилы называют джейранов на русский лад — жаранами.

Жараны сами по себе для жителей Красных Колодцев были животными весьма символическими. Очень часто люди присваивали кличку «жаран» хорошим лошадям, которые по красоте, ловкости и грациозности напоминали джейранов.

Образ жарана широко использовали в сравнениях. И что удивительно, даже люди, проживавшие в Мазовке и Слободке, можно сказать, потомки первооснователей Красных Колодцев, носили прозвище «жараны». Можно было часто услышать такие изречения: «там, где

пасутся жаранские стада, всегда травы хватает» или «жараны целым обозом направились в Алазанскую долину». Это прозвище в какой-то степени сохранило свое значение до сего времени.

Джейраны — исключительно мирные и доброжелательные по отношению к человеку животные. Они очень легко приручаются, а часто сильно привязываются к своему хозяину.

В старину персидские ханы, да и грузинские князья имели богатые усадьбы, утопающие в тени садов. Прирученные джейраны были, как правило, украшением этих усадеб. Животные свободно блуждали по саду, не причиняя ему никакого вреда. Ими забавлялись дети.

В Красных Колодцах наши соседи были большими любителями приручать диких животных и птиц. До последнего времени у них во дворе содержались прирученные джейраны. Всех, кто приходил к ним во двор, джейраны приветствовали своими игривыми прыжками.

* * *

*

Так обычно бывает в природе: чем безобиднее существо, тем больше у него врагов. Немало их и у джейранов. Мы уже много раз упоминали об охотниках и о хищниках. Те и другие были беспощадны к джейранам. В те времена, когда джейраны вольготно обитали в открытых степях, основными их врагами из хищников были волки. Охотники рассказывали, будто бы волки устраивали прямо-таки облавы, окружая джейранов стаями со всех сторон. Поэтому-то волкам и удавалось добиваться успеха даже во время охоты в открытой степи. Волкам почти без труда доставались ослабевшие животные.

Большим подспорьем для хищников служили «подранки». Часто во время охоты тяжело раненные джейраны сгоряча уходили от охотников и становились жертвой хищников.

В наших краях охота на джейранов издавна была очень модной. Уже в начале прошлого века, когда в Царских Колодцах (так раньше называли Красные Колодцы) квартировали драгунские и стрелковые полки, многие офицеры увлекались этой охотой. О прелестях ее очень часто упоминается в записках старых русских офицеров, ветеранов кавказских войн.

Военный историк, офицер русской армии А. Зиссерман, проживший на Кавказе двадцать пять лет, оставил после себя интереснейшие воспоминания. Среди всех прочих событий он очень красочно описал охоту на джейранов в Алазанской долине, в которой участвовал сам в период пребывания в Царских Колодцах.

В те времена, то есть в сороковых годах прошлого века, охотники предпочитали охотиться именно в Алазанской долине, а не в Ширакской степи. Дело в том, что тогда охотились гоном на лошадях, а в Ширакской степи продвижению лошадей препятствовал густой бурьян, который для джейранов не составлял особой преграды. Кроме того, в Алазанской долине почвы гораздо беднее и травянистая растительность поэтому менее богата. Здесь было множество мелких овражков и болот, поросших густым камышом; встречались также места, поросшие кустарником. Так что охотникам хватало мест для укрытия.

Обычно, когда в Царские Колодцы приезжали какие-нибудь знатные гости, то местные полковые командиры считали для себя почетным долгом показать неизвестную европейцам охоту на джейранов...

Джейраны боятся воды. Охотники пользовались этим довольно часто. Гоном на лошадях они прижимали животных к реке и отстреливали их десятками.

Однако в период этой варварской охоты бывали случаи, когда прижатые к берегу джейраны бросались в воду и уходили на другой берег (несмотря на боязнь воды, джейраны хорошо плавают).

Поскольку животные подчинены власти стадного инстинкта, а в стаде всеми действиями руководит вожак, то в случае переполоха они вообще теряют самообладание. Часто вожак попадает в середину стада, прижатый со всех сторон своими подчиненными, и стадо остается без руководителя. Тогда судьбу стада решают смельчаки. Если один из них вдруг прыгает в воду, то за ним моментально последуют остальные животные. Иногда обходилось и без смельчаков: животные сталкивали в реку крайнего, и этот неудачник и оказывался «смельчаком».

И все же, уходя на другой берег реки, джейраны не всегда спасались. Они почти никогда не возвращались обратно, а оставались в лесу. Там их ожидала не ме-

нее печальная судьба: они часто погибали, пожираемые хищниками, так как в дремучем лесу не могли спастись бегством.

О несчастной судьбе джейранов, попавших в Алазанский лес, красноречиво свидетельствует довольно любопытный случай.

Ранней осенью драгуны Тверского полка заготавливали древесный уголь в Алазанском лесу. Они разбили свой лагерь в редколесье, прямо у берега реки, неподалеку от Муганлинской переправы. Подлеска здесь почти не было, а только зеленела сочная трава, растущая под сенью огромных деревьев.

Как раз в этот период в Алазанскую долину приехали охотники на джейранов. Несколько дней из долины доносились ружейные выстрелы.

У Муганлинской переправы Алазанская долина сильно сужается, стесненная холмами и рекой, поэтому охотники старались согнать джейранов в это место, чтобы легче было расправиться с ними.

И вот, когда охотники прижали одно стадо к берегу реки, животные бросились в воду и сумели уйти на ту сторону.

Прошло три дня с тех пор, как утихла стрельба в долине. Однажды вечером вдруг из лесу донесся шум. Люди насторожились и стали прислушиваться. Шум постепенно усиливался и приближался к лагерю, перерастая в сильный гул. Создавалось такое впечатление, будто река вышла из берегов и бушующим потоком понеслась по лесу, по пути ломая огромные деревья и опрокидывая их. И вот какая картина предстала, наконец, испуганным драгунам: прямо к лагерю со страшной скоростью неслось стадо джейранов. Их было не менее полторы сотни. Они неслись развернутым фронтом, не разбирая дороги.

Когда до лагеря осталось пятнадцать-двадцать метров, животные сбавили ход, но от курса не отклонились: неслись прямо к палаткам. Люди попрятались за деревья, лошади заржали, вставая на дыбы. Секунда... другая — и стадо ворвалось прямо в лагерь!

В одно мгновение повалились на землю палатки, около десятка джейранов запутались в веревках.

И вот, всем на удивление, стадо, ворвавшись в лагерь, резко остановилось!.. Животные столпились в ку-

чу, задыхаясь от перенапряжения, поддерживая друг друга дрожащими телами...

Тут люди увидели огромную стаю волков. Волки не осмелились приблизиться к лагерю, а остановились метрах в тридцати от него. Драгуны бросились к винтовкам, но хищники скрылись во тьме.

Теперь все внимание было приковано к джейранам. Они так же стояли плотным табунком. Через минут десять животные несколько расслабились. Двое драгунов подошли к ним, начали гладить крайних руками, разговаривать с ними... Джейраны дрожали, сгибались от прикосновения человеческой руки, но не трогались с места.

Когда совершенно стемнело и драгуны зажгли фонари, животные постепенно отошли в сторону. Но далеко от лагеря не ушли. Постояли с полчаса, а потом улеглись на траву.

Драгуны привели свой лагерь в порядок и легли спать. Проснувшись наутро, они увидели джейранов на прежнем месте. Правда, они уже не лежали, а, медленно кружась на одном месте, щипали траву.

Спасшиеся от гибели животные привязались к людскому стану. Они бродили у всех на виду, паслись мирно и спокойно. А на ночь обязательно приходили на свое прежнее место.

Прошло десять дней. Работа была завершена. Всех волновала мысль: как быть с джейранами... Естественно, все отлично понимали, что не было никакого другого пути к спасению животных, как переправить их через реку и пустить в открытую степь, на свободу. Но как заставить животных пойти за собой?.. Этого никто себе не представлял.

От лагеря до переправы было не более трех верст. И вот ранним утром люди сняли палатки, уложили свои вещи на телеги и приготовились в путь. Двое драгунов оседлали коней, заехали с другой стороны и хотели было погнать стадо джейранов к переправе. Но сколько они ни старались, ничего из этого не получилось: джейраны кружились на одном месте и не хотели никуда уходить.

Тогда драгуны поступили иначе. Они тронулись в путь всем обозом, оставив стадо позади.

И вот, как только обоз удалился метров на сто, джейраны тронулись с места и пошли следом! Сначала

шли медленно, потом начали все прибавлять и прибавлять шаг и наконец пустились вприпрыжку.

Так дотянулись до переправы. Алазань текла спокойно, вода плавно скользила широкой гладью, разливаясь у пологих берегов.

Обоз свернул с дороги и, не останавливаясь, пошел вброд.

Но вот подошли к берегу и джейраны... Подошли вплотную и встали. Как быть? Останавливаться посреди реки нельзя, это еще больше насторожит животных. Драгуны, хлестнув коней, прибавили ходу.

Телеги спокойно приближались к берегу. И как только первые две телеги выползли на берег, джейраны тоже ринулись в воду и, обгоняя друг друга, пошли следом за обозом.

Когда обоз отъехал от реки метров на пятьдесят, джейраны вышли из воды и стремглав помчались вдоль долины. Трудно представить ту радость, с которой смотрели люди на этот стремительный бег. Джейраны неслись легко и свободно, раскинувшись широким фронтом. Мокрые спины мягким блеском сияли на солнце. Через несколько мгновений они обогнали обоз и, вырвавшись вперед, долго колесили кругами перед глазами людей, подаривших им свободу.

* *

В первой четверти XX века не только в Алазанской долине, но и во всем Закавказье охота на джейранов приняла истребительный характер. И в тридцатых годах она была запрещена законом.

В последний раз в наших краях я видел одинокого джейрана в 1971 году. В середине сентября ранним утром мы с товарищем приближались на автомобиле к Панташарскому ущелью. Ехали по грунтовой дороге, правее поселка Эльдари. Дорога тянулась вдоль лощины, а справа зеленели холмы, изредка поросшие колючим кустарником. Вдруг товарищ толкает меня плечом и кричит:

— Гляди, джейран скачет!

Я взглянул в сторону холмов и тут же заметил его. Он мчался галопом от подножия холма к вершине, мелькая белизной огузка. Добежав до вершины, он остановился, повернулся к нам и исчез.

В 1972 году в конце лета я блуждал по тем холмам, где когда-то видел одного джейрана, но, к сожалению, никого встретить не удалось. Грустно было думать, что и этот джейран погиб. Но в августе 1973 года неподалеку от Вашлаванского заповедника, там, где идет дорога по ущелью на Леки Цхали, также в холмах, я видел уже двух джейранов. Значит, эти звери еще существуют в тех краях! Как бы сохранить этих животных, хотя бы одно небольшое стадо!

Заканчивая рассказ о джейранах, я считаю своим долгом отметить, что для увеличения их численности в условиях Закавказья есть все условия и возможности.

Возьмем Кахетию, где, как я упоминал выше, еще сохранились эти животные. Истинно степные животные, джейраны приспособились к новым условиям существования — к холмистой местности. Эту адаптацию можно разумно использовать.

В районе Иорского плоскогорья, пересекающего почти всю Кахетию — от Тбилиси до Вашлаванской низменности, — имеются богатые зимние пастбища, на которых вполне бы могли жить джейраны целыми стадами. В последние три года в тех местах всю зиму держался богатый травостой, я имею в виду пересохший. Даже в засушливые годы в тех местах трава остается на зиму. Правда, там зимой выпасают скот, но и джейранам бы хватило травы. Они ведь, как мы уже упоминали, способны питаться любыми малоценными травами, порой совершенно не пригодными для домашних животных. И такой симбиоз способствовал бы улучшению зимних пастбищ, так как джейраны очищают травостой от засорения вредными травами.

И наконец, для восстановления численности джейранов в Кахетии человеку не придется вкладывать много средств и труда. Джейранам не нужна ни подкормка, ни искусственные укрытия. Их нужно только пощадить, выявить те места, где они еще сохранились в небольшом количестве, и установить строгую охрану. И джейраны в течение нескольких лет снова займут свое почетное место в биоценозе замечательного края на юго-востоке Грузии.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ВСЕ ЛИ МЫ ЗНАЕМ О ПОВАДКАХ ШАКАЛОВ?	6
О РЫСЯХ	36
ДЖЕЙРАНЫ	78

ПЕТР АЛЕКСАНДРОВИЧ ЛЕСНОВ	Редактор <i>В. Климачева</i> Художник <i>М. Дорохов</i> Худож. редактор <i>В. Савелла</i>
ЛЮБОПЫТНЫЕ РАССКАЗЫ О ДИКИХ ЗВЕРЯХ	Техн. редактор <i>Т. Пичугина</i> Корректор <i>С. Ткаченко</i>

A08361. Индекс заказа 57718. Сдано в набор 20. VIII. 1974 г. Подписано к печати 11. II. 1975 г. Формат бумаги 84×108/32. Бумага типографская № 1. Бум. л. 1,5. Печ. л. 3,0. Усл.-печ. л. 5,0. Уч.-изд. л. 4,94. Тираж 100 000 экз. Издательство «Знание». 101835. Москва, Центр, презд Серова, д. 3/4. Заказ 1580. Цена 17 коп.

Киевская книжная фабрика республиканского производственного объединения «Полиграфкнига» Гсскомиздата УССР, ул. Воровского, 24.

17 коп.

Издательство «Знание»
Москва 1975

